

Сино

РАДОСТИММ

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО

КОММЕНТАРИИ К ПЯТОМУ ЕВАНГЕЛИЮ ОТ СВ. ФОМЫ

LITRU.RU

«Горчичное зерно» — толкование Евангелия от Фомы, и перед вами — самая удивительная книга из всех книг о Христе...

«Горчичное зерно» — вовсе не милая евангельская история. На этих страницах посеяны горчичные зерна радикальной и необратимой революции, остается только заметить их ростки. Иначе с нами может произойти то же самое, что случилось, похоже, с первыми учениками Иисуса, которые превратили его слова в оправдание собственного невежества и источник кажущегося утешения — и тем самым утратили чудесную возможность пойти вслед за Учителем.

Ошо Раджниш

**Горчичное зерно. Комментарии к пятому Евангелию
от св. Фомы**

Изречение первое...

ученики сказали Иисусу:

скажи, чему подобно Царствие Небесное?

Он сказал им:

Оно подобно зерну горчичному -

Самому малому среди всех семян,

Когда же оно падает на возделанную землю, из него вырастет

Большое дерево

И становится укрытием для всех птиц небесных.

[Читать полный вариант книги](#)

Горчичное зерно

Человеческие отношения сильно изменились, и изменились к худшему. Глубина отношений исчезла во всех областях жизни: жена больше не жена, а подружка; муж больше не муж, а только приятель. Дружба хороша, но она не может быть очень глубокой. Брак — это нечто, совершающееся в глубинах. Это обет, данный в глубине. Это посвящение в глубине. Посвящение себя другому, и если вы не обещали, не посвятили себя, вы никогда не совершите прыжка.

Вы можете плавать на поверхности, но глубина не для вас. Конечно, идти вглубь опасно — неизбежно опасно, ведь вы так эффективны на поверхности. На поверхности вы можете действовать, как автомат, тут не нужно ни-какого сознания. Но вы должны быть все более сознательны, все более внимательны по мере того, как вы прони-каете в глубины, потому что каждый миг возможна смерть. Страх смерти породил поверхностность всех челове-ческих связей. Они стали незрелыми.

Приятель или подружка — это, может быть, приятно, но это не может стать дверью к тому глубочайшему, что скрыто в любом и каждом. С подружкой у вас могут быть сексуальные отношения, но любовь вырасти не может. Для любви нужны глубокие корни. Сексуальность возможна на поверхности, но она — только животное, биоло-гическое явление. Она мо-жет быть прекрасной как часть более глубокой любви, но без более глубокой любви она — самая уродливая вещь на свете; самая уродливая, потому что тогда нет обета, нет посвящения — вы лишь ка-саетесь друг друга и расстаетесь. Встречаются только тела, но не вы — не я, не ты. И это происходит со всеми связями.

Но величайшая связь исчезла совершенно, а величайшая связь — это связь между Мастером и учеником. Вы не сможете понять Иисуса, если не сможете понять того измерения, в котором существует связь между Мастером и его учениками. Оно совершенно исчезло. Вместо жены — подружка, вместо мужа — приятель, но Мастер и связь, существовавшая между ним и его учениками, исчезли совершенно. Или же эта связь заменена совершенно противоположной — той, которая существует между психиатром и его пациентом.

Между психиатром и его пациентом существует связь, которая неизбежно болезненна, патологична — ведь па-циент приходит не в поисках истины, не в поисках действительного здоровья. У слова «здоровье» много значе-ний: оно означает целостность, означает святость, означает исцеление в глубине своего «я». Пациент приходит не за здоровьем, потому что если

он пришел за здоровьем, он не может быть никем иным, как учеником. Пациент приходит, чтобы избавиться от болезни; его цель чисто негативная. Он приходит только затем, чтобы его заста-вили снова быть нормальным, только чтобы снова стать работающей частью нормального мира. Он стал непри-способленным, ему нужно приспособиться, и психиатр помогает ему приспособиться снова. Но приспособиться к кому? Приспособиться к этому миру, к этому обществу, которые абсолютно больны.

То, что вы называете «нормальным» человеком — ни что иное, как нормальная патология или нормальное сумасшествие, нормальная ненормальность. «Нормальный человек» — тоже сумасшедший. Но сумасшедший в пределах — в пределах, принятых данным обществом, данной культурой. Иногда кто-нибудь переступает порог, выходит из границ — тогда он становится больным. Все общество, которое больно, говорит, что этот человек бо-лен. И на границе стоит психиатр, чтобы помочь этому человеку вернуться назад, обратно в толпу.

Психиатр не может быть Мастером, потому что он сам не целостен. А пациент не может быть учеником, пото-му что он пришел не учиться. Его покой нарушен, и он не хочет быть обеспокоенным, его усилия направлены только на приспособление, а не на здоровье. Психиатр не может быть Мастером, хотя он и претендует на эту роль на Западе, и раньше или позже он станет претендовать на эту роль и на Востоке тоже. Но он не может быть Мас-тером — он сам болен. Он может помогать другим, быть приспособленными, и тут все в порядке: один больной человек помогает другому больному человеку в некотором отношении. Но один больной человек не может исце-лить другого больного; один сумасшедший не может помочь другому преодолеть свое сумасшествие.

Даже ваши Фрейд, ваши Юнги, ваши Адлеры абсолютно больны, не только обычные психиатры, но и вели-чайшие из них — больны и патологичны. Я расскажу вам кое-что, чтобы вы могли это почувствовать: когда кто-нибудь упоминал о смерти, Фрейд начинал дрожать. Дважды он даже терял сознание и падал со стула только по-тому, что кто-то говорил о мумиях в Египте. Он терял сознание. В другой раз Юнг тоже говорил о смерти и тру-пах и вдруг задрожал, упал и потерял сознание.

Если смерть так страшна для Фрейда, что тогда говорить о его учениках? И почему смерть вызывает такой страх? Можете вы представить Будду боящимся смерти? Тогда он больше не Будда.

Юнг говорил, что он много раз хотел поехать в Рим, чтобы посетить Ватикан и особенно библиотеку, Вати-канскую библиотеку; наибольшую, где хранятся самые тайные письма всех когда-либо существовавших рели-гий — это редкость. Но каждый раз, когда он шел покупать билет, он начинал дрожать — просто поездка в Рим! Что же будет, когда вы направитесь к мокше. И он сдавал билет и возвращался. Он никогда не был в Риме, нико-гда. Много раз он пытался, и в конце концов решил: «Нет, я не могу». Откуда страх? Почему бы психиатру боять-ся поездки в Рим? Потому что Рим — это символ, представляющий религию; и этот человек. Юнг, создал фило-софию вокруг своего ума — эта философия боялась пошатнуться. Это так же, как верблюд, боящийся пойти в Гималаи, потому что когда верблюд проходит возле Гималаев, он впервые узнает, что он — ничто. Вся фило-софия, созданная Юнгом, просто детская игра, ведь человек создал такие обширные, космические системы, и все эти системы сейчас в руинах. Он боялся, что поездка в Рим означает поездку к развалинам великих систем, соз-данных в прошлом.

Что же говорить о твоей маленькой системе? Как насчет этого уголка, который ты расчистил и украсил? Как насчет твоей философии? Великие философии развалились и превратились в пыль, поезжай в Рим и посмотри, что с ними стало! Где школы Аристотеля, Платона и Сократа? Поезжайте в Афины и посмотрите, что с ними ста-ло. Величайшие системы

превращаются в прах, и все мысли, в конце концов, оказываются бесполезными, потому что мысль — это просто вещь, созданная человеком.

Только в «не-мысли» вы познаете Божественное. Вы не можете мыслью познать вечное, потому что мысль принадлежит времени. Мысль не может принадлежать вечности; никакая философия, никакая система мысли не может быть вечной.

Этого он и боялся. По крайней мере, пять или шесть раз Юнг собирался, но потом отменял поездку. А этот человек, Юнг, один из величайших психиатров. Если он так боялся ехать в Рим, что сказать о его учениках? Даже вы не боитесь, не потому, что вы лучше, чем Юнг, но только потому, что вы менее сознательны, менее внимательны. Он сознавал, что в Риме ему придется склонить голову; что как только он взглянет на развалины всех великих систем, его охватят дрожь, страх смерти, и ему придется спросить себя: «Что станет с моей системой? Что станет со мной?» Дрожь, он возвращался, и в своих мемуарах он пишет: «Тогда, наконец, я оставил всю за-тею. Я не поеду в Рим».

То же самое много раз случалось и с Фрейдом, поэтому это, кажется, не простое совпадение. Он тоже пытался поехать в Рим и тоже боялся. Почему? Фрейд был столь же доступен гневу, как можете быть вы, столь же сексуален, как можете быть вы, столь же напуган смертью, как можете быть вы, так же невротичен в своем поведении, как можете быть вы, так в чем же разница? Он был, может быть, более умным человеком — возможно, гением — или мог немного помочь, но в том, что касается Окончательного, что касается наиболее тайной, наиболее глубокой сердцевины бытия, он был также слеп, как и вы.

Нет, психиатрия не может стать религией. Она может стать хорошей больницей, но не может стать храмом, это невозможно. И психиатр может стать нужным, ведь люди больны, неприспособленны, но психиатр — не Мастер, а пациент — не ученик. Если вы придете к Мастеру, как пациент, вы промахнетесь, потому, что Мастер — не психиатр. Я не психиатр. Люди приходят ко мне и говорят: «Я страдаю таким-то умственным беспокойством, неврозом беспокойства, то и се». Я говорю: «Хорошо. Ведь я не собираюсь лечить ваше беспокойство, я собираюсь лечить вас. Я не беспокоюсь о вашей болезни, я беспокоюсь о вас. Болезнь есть на периферии, но там, где есть вы, болезней нет». Как только вы постигнете, кто есть вы, все болезни исчезают. Основная причина их существования — то, что вы прятали знание самого себя, избегали себя, вы избегали этой главной встречи, потому что не хотели глядеть на себя. Почему же вы не хотите посмотреть на себя, что с вами случилось? До тех пор, пока вы не готовы к встрече с собой, вы не можете стать учеником, потому что Мастер ничего не может сделать, если вы не готовы встретиться с самим собой. Он может только помочь вам встретиться с собой.

Почему вы так боитесь? Потому что где-то в прошлом что-то пошло неладно... Рождается ребенок, и его не принимают таким, каков он есть, многое в нем должно быть изменено, угнетено, его нужно дисциплинировать. В нем много такого, что общество и его родители не могут принять, и потому эти части нужно отвергнуть, подавить; лишь немногие его части могут быть приняты и одобрены. И ребенку приходится подстраиваться. Он должен отказаться от многих составляющих своей сущности, которым нельзя позволить проявиться. Он принужден отвергнуть их настолько, что сам перестает осознавать их присутствие. Вот что такое подавление, а все общество держится на подавлении.

Большая часть существа ребенка должна быть подавлена, полностью отброшена во тьму. Но эта подавленная часть утверждает себя, пытается бунтовать, противодействовать; она хочет выйти на свет, и вам приходится снова и снова загонять ее обратно. Так у вас возникает страх перед встречей с самим собой, ведь что произойдет с подавленной частью? Она опять проявится, она снова будет. Что случится с бессознательным? Если вы встретитесь с самим

собой, с вами будет бессознательное, с вами будет все, что вы отвергли. И это страшит вас.

До тех пор, пока ребенка не примут полностью таким, как он или она есть, этот страх будет неизбежно оставаться; но до сих пор еще не существовало общества, которое принимало бы ребенка полностью. И, кажется, ни-когда не будет существовать общество, которое бы приняло ребенка полностью, потому что это почти невозможно. Так что подавление в большей или меньшей степени неизбежно. И каждому предстоит однажды встретиться с этой проблемой встречи с самим собой. Вы становитесь учеником в тот самый день, когда забываете, что хорошо, что плохо; забываете, что принято, а что не принято. Вы становитесь учеником лишь в тот день, когда готовы предъявить самому себе свою сущность.

Мастер — только акушерка. Он помогает вам пройти через новое рождение, родиться вновь. А что такое отношение между Мастером и учеником? Ученик должен доверять; он не должен сомневаться. Если он сомневается, он не может показать себя Мастеру. Когда вы сомневаетесь в ком-то, вы сжимаетесь, вы не можете развернуться. Когда вы в ком-то сомневаетесь... Он становится незнакомцем, и тогда вы замыкаетесь. Вы не можете быть открытым, потому что не знаете, как этот незнакомец поступит с вами. Вы не можете быть уязвимым перед ним; вы должны защититься и создать броню.

С Мастером вы должны сбросить этот панцирь совершенно — никак не меньше, это абсолютно необходимо. Вы можете чуть-чуть носить его даже перед любимой; вы можете быть не столь открытым перед любимым. Но перед Мастером открытость должна быть полной, иначе ничего не выйдет. Если вы скрываете даже малую часть себя, этой связи нет. Нужно полное доверие, только тогда могут быть раскрыты тайны, только тогда вам можно дать ключи. Но если вы прячетесь, значит, вы боретесь с Мастером, и тогда ничего нельзя сделать.

Ключ к Мастеру — не борьба, ключ к нему — сдача себя, капитуляция. А капитуляция совершенно исчезла из мира. Многие обстоятельства содействовали этому: на протяжении трех или четырех веков, человека учили быть индивидуалистом, эгоистом; человека учили не сдаваться, а воевать; не подчиняться, а бунтовать; человека учили не доверять, а сомневаться. Это имело смысл, ведь наука развивается через сомнение. Наука — это глубокий скептицизм. Доверие — не ее путь; ее путь — логика, спор, сомнение; чем больше вы сомневаетесь, тем более научно вы мыслите. Этот путь совершенно противоположен религиозному пути. Религия действует через доверие: чем больше вы доверяете, тем более религиозным вы становитесь. Наука создала чудеса, и эти чудеса очень заметны. Религия создала еще большие чудеса, но эти чудеса не так видны. Даже если здесь есть Будда, что вы можете чувствовать? Что вы можете увидеть? Он невидим — то, что видимо, только тело; то, что видимо — такой же смертный, как и вы, видимо он постареет и однажды умрет. Но невидимо, он бессмертен. Но у вас нет глаз, чтобы видеть то, что невидимо; у вас нет способности, чувствовать наиболее внутреннее, неведомое. Вот почему только доверяющие глаза начинают понемногу чувствовать и становиться восприимчивыми. Когда вы доверяете-те... это значит, что вы закрываете оба своих глаза. Вот почему доверие слепо, точно так же, как слепа любовь — недоверие еще более слепо, чем любовь.

Но когда вы закрываете оба своих глаза, что происходит? Происходит внутренняя трансформация. Когда вы закрываете эти глаза, которые видят наружу, что происходит с энергией, которая течет через них? Эта энергия начинает идти обратно. Она не может течь от глаз к объектам, и она изменяет свое направление, она совершает поворот. Энергия должна двигаться, энергия не может быть статичной; если вы закрываете один выход, она находит другой. Когда оба глаза закрыты, та энергия, что текла через них, изменяет направление — происходит поворот.

И эта энергия ударяет в ваш третий глаз. Третий глаз — не физическая вещь: просто та

энергия, которая те-чет от глаз к внешним объектам, теперь возвращается к источнику — она становится третьим глазом, третьим способом видения мира.

Только этим третьим глазом можно видеть Будду; только этим третьим глазом можно постичь Иисуса. Если у вас нет этого третьего глаза, Иисус будет здесь, но вы не узнаете его — многие не узнали его. В его родном городе люди думали, что он был просто сыном плотника Иосифа. Никто, никто не мог распознать того, что случилось с этим человеком; что он не был больше сыном плотника, что он стал сыном Божьим — но это внутренний фено-мен. А когда Иисус провозгласил: «Я — сын божества, мой Отец — в небесах», — люди смеялись и говорили: «Ты или сошел с ума, или дурак, или хитрец. Как может сын плотника вдруг стать Сыном Божьим?» Но такая воз-можность есть...

Только тело рождается от тела; внутреннее «я» не рождено от тела, оно рождено от святого духа, оно — от Бо-жества. Но сначала вы должны приобрести глаза, чтобы видеть; приобрести уши, чтобы слышать.

А это дело очень тонкое — понимать Иисуса, вы должны пройти через великое обучение. Это точно так же, как понимание классической музыки. Если вам вдруг дать послушать классическую музыку, вы подумаете: «Что за чепуха!» Она так утонченна, что нужна долгая тренировка. Нужно много лет учиться, только тогда ваши уши готовы воспринимать тонкое — и тогда ничто не сравнится с классической музыкой. Тогда обычная повседневная музыка вроде музыки из кинофильмов — вообще не музыка, это просто шум, и к тому же глупый.

Из-за того, что ваши уши не тренированы, вы живете с шумом и думаете, что это музыка. Но для классиче-ской музыки нужны очень аристократические уши. Нужна тренировка, и чем больше вы тренированы, тем больше тонкое становится видимым. Но классическая музыка — ничто перед Иисусом, потому что он — музыка космическая. Вам нужно быть столь тихим, что нет ни единого всплеска мысли, ни единого движения вашего су-щества; лишь тогда вы можете слышать Иисуса, можете понимать Иисуса, можете знать его.

Вот почему Иисус повторяет снова и снова: «Имеющие уши да поймут меня. Имеющие глаза, смотрите: я здесь!» Почему он повторяет: «Имеющие глаза да видят! Имеющие уши да слышат!» Почему?

Он говорит о некоем ином измерении понимания, доступном только ученику. Очень немногие понимали Иису-са, но это неизбежно в самой природе вещей. Очень немногие — и кто были эта немногие? Это были не образо-ванные люди, не ученые, нет! Это были не профессора университетов, нет, это были не пандиты или философы, нет! Это были простые люди: рыбак, крестьянин, сапожник, проститутка; это были очень обычные люди, самые обыкновенные из обыкновенных. Почему эти люди могли понять? Должно быть, есть что-то необыкновенное в обыкновенных людях. Должно быть, есть что-то особенное, что существует в простом человеке и исчезает в так называемых «необыкновенных» людях. Что же это? Это смирение, это доверие... Ведь чем более вы интеллекту-ально тренированы, тем менее возможно доверие; если вы интеллектуально не тренированы, доверие более воз-можно.

Крестьянин доверяет, ему незачем сомневаться. Он сеет семена в поле и верит, что они взойдут, они прорас-тут, когда придет соответствующее время года. Они обязательно взойдут. Он идет и молится, и в свое время эти семена прорастают и становятся растениями. Он ждет и верит. Он живет с деревьями, травами, реками, горами. Незачем сомневаться: деревья не хитрят, нет нужды в панцире, чтобы защититься от них. Тут незачем изобре-тать меры безопасности; горы — это не политики, не преступники; можно быть открытым.

Вот почему, когда вы среди гор, вы вдруг чувствуете восторг. Откуда он исходит? От гор? Нет! Он приходит потому, что сейчас можно снять броню, потому, что нечего бояться. Вы подходите к дереву, и вдруг чувствуете красоту. Она исходит не от дерева, она исходит из вас. Но

вам и незачем защищаться от дерева, вы можете чувствовать себя свободно, как дома. Цветок не собирается внезапно напасть на вас, дерево не может быть вором, оно не может ничего у вас украсть. И когда вы идете в горы, к морю, в лес, к деревьям, вы снимаете свой панцирь.

Люди, живущие с природой, более доверчивы. Сельская местность, менее индустриализованная, менее механизированная, менее технологичная, живет ближе к природе, в ней больше доверия. Вот почему нельзя представить себе, чтобы Иисус родился в Нью-Йорке — это почти невозможно. «Иисусоманьяк» может там родиться, но не Иисус. И эти маньяки — просто невротики, Иисус только повод. Нет, нельзя вообразить Иисуса, родившегося там, это почти невозможно. И даже если бы он там родился, никто не стал бы его слушать; даже если бы он появился там, никто не смог бы распознать его. Он родился в век без технологии, без науки, этот сын плотника. Всю жизнь он жил с бедняками, с простыми людьми, которые жили с природой. Они могли доверять.

Однажды Иисус пришел к озеру рано утром; солнце еще не взошло над горизонтом. Там были рыбаки, и они только что забросили невод, чтобы поймать рыбу, когда пришел Иисус и сказал: «Смотрите! Зачем вы напрасно тратите свою жизнь? Я могу сделать вас ловцами людей. Зачем вы тратите свою энергию на ловлю рыбы? Я могу сделать вас ловцами человеков. Вставайте и идите за мной!»

Если бы он сказал это вам, когда вы сидите в своей конторе или в своей лавке, вы сказали бы ему: «Уходи! У меня нет времени. Не отнимай мое время!» Но эти два рыбака взглянули на Иисуса, безо всякого сомнения.

Вставало солнце, и этот человек был прекрасен, этот человек был Иисус. А его глаза — они были глубже, чем озеро; и его сияние было ярче солнечного. Они выбросили свои сети и пошли за Иисусом.

Это — доверие. Ни одного вопроса: «Кто ты, незнакомец?» Они не знали его, он был не из их деревни; они ни-когда его не видели, никогда его не слышали. Но этого было достаточно — зова, приглашения было достаточно. Они слышали приглашение, они смотрели на Иисуса, чувствовали его искренность, и пошли за ним.

Когда они уже выходили из города, их бегом догнал человек и сказал этим двум рыбакам: «Куда вы идете? Не-ожиданно умер ваш отец. Возвращайтесь!» И они обратились к Иисусу: «Можем ли мы пойти домой, и похоронить нашего мертвого отца? А потом мы пойдём за тобою». Иисус сказал: «Не заботьтесь о мертвых. В этом городе достаточно мертвых. Они похоронят своих мертвецов. А вы идите, следуйте за мной. Вам незачем беспокоиться о мертвых». И эти два рыбака пошли за ним.

Это доверие: они слышали, они видели Иисуса. Он подразумевал — и он был прав: «Умер отец, что ж подела-ешь? Когда кто-нибудь мертв, он мертв. Незачем туда идти. И в городе достаточно мертвых; они сделают то, что еще осталось сделать, они исполнят ритуал; они похоронят вашего отца. А вы идите, следуйте за мной». И они пошли и ни разу не обернулись, ни разу не посмотрели назад. Доверие означает, не возвращаться. Доверие означает, не оглядываться назад.

Сомневающийся ум всегда оглядывается, всегда думает об альтернативе, всегда думает о том, чего он не сделал, всегда думает, был ли он прав: «Вернуться или идти за этим сумасшедшим? Кто знает? Он говорит, что он сын Бога, но кто знает? Никто не знает о Боге, никто не знает о его сыновьях — а этот человек выглядит точно так же, как и мы!» Но рыбаки пошли за Иисусом. Если вы следуете за таким человеком, как Иисус, раньше или позже вы заразитесь. Но вначале вы должны пойти за ним. Раньше или позже вы почувствуете, что вы тоже бо-жьи сыновья. Но вначале вы должны доверять. Если вначале есть сомнение, двери закрыты.

Эта связь между Мастером и учеником исчезла благодаря трем столетиям успехов науки. Наука добилась та-ких успехов! Она творит чудеса — конечно, бесполезные чудеса, ведь они ни крошки не добавили к человеческо-му счастью, а чудо бесполезно, если оно не увеличивает меру счастья. Наоборот, мера счастья уменьшилась. Больше техники, больше комфорта — но счастья меньше; вот в чем состоит чудо, достигнутое наукой. Чем больше могут сделать механические устройства, тем меньше нужны вы. А чем менее вы нужны, тем больше вы чувствуете-те себя бесполезным, никчемным, бессмысленным. Раньше или позже компьютер заменит вас, и вы тогда станете совершенно ненужным. Тогда вы сможете пойти и совершить самоубийство, потому что компьютер все сделает.

Счастье происходит от чувства собственной нужности. Когда вы нужны, вы чувствуете себя счастливым, по-тому что ваше существование имеет значение, вы чувствуете, что ваша жизнь полна смысла, чувствуете, что нужны, и что без вас все было бы по-другому. Но сейчас без вас все осталось бы по-прежнему. Скорее, без вас бы-ло бы даже лучше, ведь машины могут все сделать лучше, чем вы. Вы — просто помеха, просто устаревшая вещь. На сегодняшний день человек — наиболее устаревшая вещь, потому что каждый год все выходит новым издани-ем; выходит новая модель автомобиля Форда, новая модель всего. Лишь человек остается самой несвоевременной моделью. Среди столь многих новых вещей вы — единственная старая вещь.

Современный ум постоянно чувствует свою бессмысленность, потому что вы никому не нужны. Вы не нужны даже своим детям, потому что «государство и социальное обеспечение» позаботится о них. Вы станете, не нужны вашим старым отцу и матери, потому что будут специальные дома — правительственные и государственные — где будут заботиться об их нуждах. Кому вы нужны? А когда вы чувствуете, что вы никому не нужны, что вы просто ненужное бремя, как вы можете быть счастливыми?

В прежние времена вы были нужны. Еврейский мистик Гильлель, который, должно быть, был человеком глу-бокого доверия, человеком молитвы, как-то в своей молитве сказал Богу: «Не думай, что только я нуждаюсь в тебе — ты тоже нуждаешься во мне. Без меня ты был бы ничем. Если нет Гильлеля, кто станет молиться? Кто посмотрит на тебя? Я необходим. Так что запомни: Ты мне нужен, это правда, но и я нужен тебе».

Когда вы нужны Вселенной, даже Богу, тогда вы имеете значение, смысл, аромат. Но теперь вы не нужны ни-кому. Без вас легко можно обойтись, вы — ничто. Техника создала комфорт и сделала вас ненужными. Техноло-гия дала вам лучшие дома, но не лучших людей, потому что для создания лучшего человека нужно некое иное измерение — это измерение не принадлежит механике. Это измерение сознания, а не механики.

Наука не может создать Будду или Иисуса, но наука может создать общество, в котором Будда будет невозмо-жен. Много людей приходят ко мне и спрашивают, почему сейчас больше нет Будд, нет больше тиртханкар, нет больше Иисусов. Из-за вас! Вы создали такое общество, что существование простого человека становится все бо-лее невозможным. И даже если он существует, вы не узнаете его. Дело не в том, что нет будд, — другое дело их уви-деть, но они есть. Может быть, вы каждый день проходите мимо них по дороге в свою контору, но вы не можете распознать их, потому что вы слепы. Доверие исчезло. Помните это: Иисус жил в век доверия, глубокого доверия. Всю его славу, все его сияние, все его значение можно понять только через это измерение доверия. Теперь присту-пим к этой части изречения Иисуса:

Ученики сказали Иисусу: «Скажи нам, чему подобно Царствие Небесное?»

Они не были вопрошающими, они не были любопытствующими людьми, они не собирались спорить. Их во-прос был невинен. Когда вопрос невинен — лишь тогда Иисус может на него ответить.

Когда вопрос невинен? Вы знаете? Если у вас уже готов ответ, тогда вопрос не невинен. Вы

спрашиваете: «Есть ли Бог?», — и у вас уже готов ответ. Вы знаете, что да, он есть, и вы пришли ко мне только за подтверждением, или вы знаете, что его нет, и вы пришли только за тем, чтобы увидеть, знает ли этот человек или нет. Если ответ уже есть, тогда вопрос — хитрость, он не невинен. Тогда Иисус на него не может ответить, потому что Иисус может ответить только невинности.

Когда спрашивает ученик, в его уме нет ответа, он не знает, он просто не знает, и именно поэтому спрашивает. Помните об этом, когда спрашиваете. Когда спрашиваете, хорошо сознавайте: спрашиваете ли вы потому, что у вас уже есть ответ, спрашиваете ли вы из своего знания? Тогда встречи быть не может. Тогда, даже если я отвечу, ответ не достигнет вас. Вы недостаточно пусты, чтобы воспринять его. Ответ уже есть: вы уже предубеждены, отравлены.

Есть два вида вопрошания: один — из знания, и тогда вопрос бесполезен, потому что тогда возможен спор, но не диалог; и другой — когда вы спрашиваете из незнания, хорошо зная, что вы не знаете. Когда вы знаете, что не знаете, и спрашиваете, вы стали учеником. Теперь спора не будет. Вы просто жаждете и просите воды; вы голодны и просите пищи. Вы не знаете, и вы спрашиваете; вы готовы принять. Ученик спрашивает, хорошо зная, что он не знает. Когда вы не знаете, вы смиренны. Когда вы знаете, вы становитесь эгоистичными, а Иисус не может говорить с эго.

Ученики сказали Иисусу... — «ученики» значит те, кто полностью сознают, что они не знают. «Скажи нам, че-му подобно Царствие Небесное?»

Иисус все время говорил о Царстве Небесном, и это вызвало много неприятностей. Неприятности вызвала сама терминология, ведь слово «царство» — политическое, и политики испугались. Поэтому его распяли, потому что политики думали: «Этот человек говорит о каком-то царстве, что оно придет на землю, и он говорит — я царь этого царства. Этот человек пытается вызвать революцию, пытается сбросить правительство. Он хочет создать новое царство!»

Царь, наместник, должностные лица, священники — все они испугались. А этот человек был влиятельным, потому что люди слушали его; люди не просто слушали его — когда они его слушали, они преображались, вос-пламенялись, становились совершенно новыми, с ними что-то происходило. Поэтому священник, наместник Пон-тий Пилат, Царь Ирод, все правительство — и светское, и духовное — все были напуганы этим человеком. Он казался опасным. Такого невинного человека никогда не было; он выглядел опасным. Его не поняли.

Но всегда есть возможность того, что Иисуса не поймут. Дело в том, что ему приходится пользоваться вашим языком, потому что другого языка нет, и все, что он говорит, ему приходится говорить вашими словами. Других слов нет, а ваши слова уже чрезмерно отягощены, в них уже содержится слишком много значения, они слишком нагружены. Он говорит просто о Царстве Небесном, о Царстве Божьем. Но «царство»? Это слово опасно: «царст-во» содержит намек на какую-то политику.

Иисус не был революционером этого мира. Он был революционером, великим революционером — но внутренне-го мира. Он говорил о внутреннем царстве. Но даже ученики не понимали, о чем он говорит. Когда вы приходите к Мастеру, происходит встреча двух различных измерений, так же, как встреча земли и неба; встреча на границе. Если есть доверие, вы можете раскрыть свои крылья и взлететь, но если доверия нет, вы привязываетесь к земному.

Этот человек несет вам опасность. Что это за царство Божие? Какое это Царство? Это Царство совершенно противоположно, диаметрально противоположно царству этого мира. И Иисус объяснял и объяснял... но заставить людей понять это, было трудно. Он говорил: «В моем Царстве Бога — беднейший будет самым богатым, последний будет первым». Он говорил так же, как Лао-Цзы, и он был человеком, подобным Лао-Цзы. «Последний будет первым в моем

Царстве». Он говорил, что самый смиренный будет наиболее значительным, беднейший будет самым богатым, и тот, кто совершенно не признан здесь, будет признан там — все вверх ногами!

Так должно быть. Если вы стоите у реки и река спокойна, в ней нет ряби, и вы смотрите на свое отражение — оно вверх ногами. Все всегда отражается наоборот. На самом деле мы перевернуты вверх ногами в этом мире, и если нас нужно исправить, нужно все вывернуть наизнанку. Но тогда будет казаться, что все становится с ног на голову — нужен хаос.

Будда стал нищим — последним человеком в этом мире. Он был царем, но Царство Бога принадлежит последним. Он оставил Царство этого мира, потому что царство этого мира просто бесполезно, оно — бессмысленное бремя. Вы тащите его, но оно не наполняет вас. Оно уничтожает вас, оно — яд, хотя оно, может быть, такой медленный яд, что вы не можете этого ощутить...

Однажды некто пьянствовал, и мимо проходил его друг. И друг сказал: «Что ты делаешь? Это же медленный яд!»

Первый ответил: «Ну и ладно — я не спешу».

Все, что вы называете жизнью, есть медленный яд, потому что, в конце концов, она заканчивается смертью. Она убивает вас, она не делает ничего другого. Вы не спешите, может быть, но это никак не меняет качества яда. Он, может быть, действует медленно, вы, может быть, не спешите, но все же он убьет вас.

Царство этого мира принадлежит смерти, но Царство Бога принадлежит вечной жизни. Поэтому Иисус говорит: «Те, кто готовы, придите ко мне, я дам вам жизнь изобильную».

Иисус проходил через деревню. Он хотел пить, и подошел к колодцу. Женщина доставала воду из колодца, и он сказал: «Я жажду, дай мне немного воды напиться».

Женщина ответила: «Но я принадлежу к очень низкой касте, я не могу дать тебе воды, это запрещено».

Иисус сказал: «Не беспокойся. Дай мне воды, и я тоже дам тебе воды в обмен — из моего колодца. И, раз напившись из него, ты никогда больше не будешь жаждать».

Ученики спрашивают: «Скажи нам, чему подобно Царствие Небесное?», — потому что, то, что нам неизвестно, можно объяснить только через «подобно». Отсюда все мифы. Мифология — это попытка объяснить то, чего вы не знаете и не можете знать в своем состоянии ума, через что-то, что вам известно. Попытка объяснить Неизвестное через известное, есть миф — он дает немного понимания вам таким, каковы вы есть.

Царство Небесное нельзя объяснить прямо, непосредственно. Это невозможно. Пока вы не вошли в него, нет способа что-то сказать о нем. Все, что будет сказано, будет ложью, потому что истину высказать нельзя. Тогда что же постоянно, на протяжении многих лет, делали Иисус, Лао-Цзы и Будда? Если истину высказать нельзя, то что они делают? Они пытаются объяснить вам то, что объяснить нельзя, через те символы, которые вы знаете; пытаются объяснить Неизвестное через известное. Это труднейшая вещь на свете — притчи, мифы, истории.

И есть глупцы, пытающиеся анализировать миф, вскрыть его, и утверждающие: «Это миф, это неправда». Они анализируют и расчленяют, они занимаются хирургией на мифе, а потом говорят: «Это миф, это не история». Но никто никогда не говорил, что миф — это история. И нельзя расчленять миф, потому что он просто символический.

Это так же, как указатель у дороги, на котором нарисована стрела и написано: «Дели», — а вы разбиваете камень, разрезаете стрелу, анализируете краску и все остальное, и потом говорите: «Это сделал какой-то дурак — здесь нет никакого „Дели“».

Мифы — это придорожные указатели, стрелы, указывающие в неизвестное. Они сами по себе не цель, они просто указывают. В этом смысл вопроса учеников: «Скажи нам, на что похоже Царствие Небесное?» Нельзя спросить, что такое Царство Небесное. Смотрите, как задан

вопрос: мы не можем спрашивать, что такое Царство Не-бесное — это было бы слишком. Мы не можем и ждать ответа на такой вопрос. Мы можем только спросить, чему оно подобно..., а это значит: «Скажи нам что-нибудь такое, что мы знаем; как-то укажи через понятное нам, что-бы мы могли уловить проблеск».

Это так же, как слепой, который спрашивает, что такое свет. Как можно спрашивать, что такое свет, если вы слепой? Если вы спрашиваете, сам ваш вопрос — препятствие для ответа. На него нельзя ответить. Можно знать свет — для этого нужны глаза. Но «на что похож свет?» означает: «Скажи что-нибудь на языке слепых».

Все притчи — истины на языке слепых; все мифы — это истины, облаченные в язык слепых. Так что, не ана-томируйте их. Вы ничего в них не найдете. Они — просто указатели. И если у вас есть доверие, указатель — это прекрасно.

В одном из храмов в Японии нет ни одной статуи Будды. Люди входят и спрашивают: «Где же Статуя?» Статуи нет, но прямо на пьедестале находится палец, указывающий в небо — это и есть Будда. Священник отвечает: «Вот Будда». Я не знаю, понимает ли это священник — этот палец, указывающий на луну. Что есть Будда? Просто палец, указывающий на луну!

Ученики спрашивают, на что похоже Царство Небесное? «Скажи нам, скажи нам притчей, расскажи нам историю, которую мы, дети, могли бы понять. Мы не знаем, у нас нет никакого опыта. Скажи что-нибудь, что может дать нам намек».

Иисус сказал им: «Оно подобно горчичному зерну — меньше, чем все семена, но когда оно падает на вспаханную землю, из него вырастает большое дерево и становится укрытием для всех птиц небесных».

Иисус очень много говорил об этом горчичном зерне, и по многим причинам. Во-первых, горчичное зерно — самое маленькое семя. Бог невидим, меньше, чем наименьшее, так что как можно указать на него? Горчичное зерно на границе видимого, наименьшая вещь на границе видимого мира. Дальше вы не сможете понять, потому что дальше — невидимое. Горчичное зерно — это граница: вы можете его видеть, но оно очень мало. Если вы иде-те дальше, вы вступаете в мир тонкого, того, что меньше мельчайшего. Горчичное зерно находится на границе.

А горчичное зерно — не просто самая малая из видимых вещей, у него есть одно таинственное свойство: когда оно вырастает, оно превращается в наибольшее из растений. Так что это парадокс: семя — наименьшее, а дерево — наибольшее. Бог — это невидимое, а Вселенная — все, что видимо; Бог — это не проявленное, а Вселенная — это проявленное.

Если вы разломите семя, вы не найдете в нем дерева. И вы можете сказать, что дерева нет, а люди просто глупы, говоря, что огромное дерево скрыто в зерне, где ничего нет.

Вот что постоянно делали аналитики. Если вы скажете, что этот цветок красив, они возьмут его в лабораторию и расчленият его, чтобы найти, где красота. Они займутся химическим составом и прочим. Они разрежут и проанализируют цветок, они наклеят ярлыки на бутылочки с разными частями цветка — но ни в одной из бутылочек они не найдут красоты. Нет, они выйдут из лаборатории и скажут: «У вас, должно быть, была какая-то галлюцинация, вам это приснилось — здесь нет красоты. Я рассек весь цветок и ничего не осталось, красоты там нет». Есть вещи, которые можно знать только в их целостности. Их нельзя расчленивать, потому что они больше, чем их части. Эта проблема — основная проблема для тех, кто ищет истину. Истина более велика, чем ее части, соединенные вместе. Это не просто сумма частей, она больше, чем ее части. Мелодия — не просто сумма всех нот, всех звуков. Нет, это нечто большее. Когда все ноты вместе, создается гармония, появляется гармония, которой не было в отдельных нотах.

Я говорю для вас: вы можете расчленивать мои слова, все они есть в словаре, но вы не найдете в словаре меня. И вы можете сказать: «Все слова есть здесь, так что, к чему беспокоиться?»

Однажды Марк Твен пошел слушать своего друга — священника. Этот друг приглашал его много раз. Он был одним из величайших ораторов, его ценили очень высоко. Когда он говорил, церковь была переполнена, но Марк Твен никогда не ходил его слушать. Этот друг приглашал его много раз, пока Марк Твен не согласился: «Хорошо, я приду в воскресенье». И к воскресенью этот священник приготовился, как только мог: он вложил в проповедь все самое прекрасное, что было в его уме, ведь должен прийти Марк Твен! Марк Твен сел прямо перед ним, и священник произнес свою самую лучшую речь. Он вложил в нее всю свою энергию, и она была действительно прекрасна; это была симфония, это была поэзия.

Но постепенно он стал теряться, стал беспокоиться, потому что Марк Твен сидел, как мертвый. Ни намек на одобрение не появилось на его лице. Люди часто аплодировали, они были в экстазе, но Марк Твен сидел, совершенно не подавая вида, что речь произвела на него какое-нибудь впечатление, положительное или отрицательное. Он оставался равнодушным — а равнодушие более убийственно, чем отрицательное отношение. Ведь если вы против чего-то, вы, по крайней мере, как-то к этому относитесь; если вы против, то вы придаете этому какое-то значение. Но если вы равнодушны, вы тем самым говорите, что это абсолютно бессмысленно, и не стоит даже того, чтобы быть против него.

Когда речь была окончена, Марк Твен возвращался в машине вместе со священником. Священник не мог заставить себя спросить о своей речи; они молчали. Уже когда Марк Твен выходил из машины, священник заметил: «Ты ничего не сказал о моей проповеди».

Марк Твен ответил: «В ней нет ничего нового. У меня дома есть книга, с которой ты просто „копировал все это. Эта лекция заимствована, и ты меня не обманешь. Ты можешь обманывать этих дураков в церкви, но я — человек грамотный и умею читать. Случайно я читал эту книгу, как раз вчера вечером“.

Священник не мог в это поверить. Он сказал: «Что ты говоришь? Я не списал это ниоткуда. Это невозможно!» Марк Твен сказал: «В ней есть каждое слово, которое ты произнес. Завтра утром я пришлю тебе эту книгу». На следующий день он прислал священнику большой словарь с запиской: «Ты найдешь здесь все слова».

Это — ум аналитика. Он немедленно может убить всякую поэзию. Он может просто сказать, что это просто соединенные вместе слова. Он не может видеть между слов, не может видеть между строк — а поэзия там. Там красота и экстаз, и Бог, и все, что значимо; это находится между словами, между строчками.

Горчичное зерно — наименьшее, а содержит наибольшее. Вы не можете видеть Бога, потому что он наименьшее — горчичное семя — но вы можете видеть Вселенную. А если есть Вселенная, должно быть и семя. Как может быть дерево без семени? Можете вы видеть его или нет — важно не это. Может ли эта Вселенная существовать без первопричины, без источника? Вот Ганг — может ли он существовать без истока? Огромная Вселенная — и вы думаете, что она может существовать без истока?

И не только эта огромная Вселенная, ... ведь в ней такая гармония, такая всеобщая симфония, такая всеобъемлющая система. Она не хаос, в ней столько порядка, все на своем месте. И те, кто знает, говорят, что это лучший из миров, что ничто не может быть лучше его.

Семя должно быть, но это семя мало, меньше, чем горчичное зерно. Горчичное зерно использовано как миф, как указание. Те люди, что спрашивали Иисуса, были рыбаками, крестьянами, садовниками, и им была понятна притча, притча о горчичном зерне.

Расчлняя, вы теряете. Если вы расчлняете религию, вы теряете; либо вы можете видеть ее непосредственно, не расчлняя, либо вы не можете ее видеть. Есть один путь, которым идет доверие: в семени вы не можете видеть дерева, но вы можете посадить семя в землю — это то, что сделает человек доверия. Он скажет: «Ладно, это семя; я верю, что оно станет деревом, и я

пойду и посажу его в поле. Я найду подходящую почву, и защищу это семя, я буду ждать и молиться, я буду любить и надеяться, я буду мечтать...»

Что еще вы можете делать? Потом вы однажды вдруг проснетесь, а зерно стало чем-то новым, новые побеги поднимаются из земли. Теперь зерно уже больше не зерно — оно становится деревом, оно цветет.

Что происходит, когда семя становится деревом? Это тоже часть притчи. Семя должно умереть — только так оно становится деревом. Бог умер во Вселенной. Он не может оставаться в стороне, он в ней, он затерялся в ней. Вот почему вы не можете найти Бога. Вы можете пойти в Гималаи, в Мекку, в Каши, или куда угодно, но вы ни-где не найдете его, потому что он здесь, везде! — точно так же, как семя живет во всем дереве. Теперь уже нельзя найти семя, потому что оно умерло в дереве и стало деревом. Бог умер в эту Вселенную, он умер в этом Бытии и стал космосом. Он — не отдельная вещь. Он не похож на плотника, который что-то создает и остается отдельным. Это невозможно, бог подобен семени: из него вырастает дерево, но тогда оно исчезает в дереве. Вы можете снова найти бога только тогда, когда дерево исчезает.

Индусы говорили, что бога можно найти, либо в начале творения, либо в конце. Вначале, когда мира нет, есть семя, но нет вас, чтобы найти его; ведь вы — часть дерева, листья дерева. Или же, он будет в пралайе, когда весь мир растворяется, когда дерево стареет и умирает. И так случается с каждым деревом: когда оно стареет, появ-ляются новые семена — миллионы семян.

В пралайе вы снова найдете миллионы богов — но тогда не будет вас, вот в чем дело. Есть только один способ найти бога: вы можете найти его, только если можете найти его здесь и сейчас, в каждом листе. Если вы ищете какой-то конкретный образ, Кришну или Раму, тогда вы не найдете его. Это тоже листья — конечно, более красивые, более живые и более зеленые, ведь они познали бога, познали, что он есть везде. Когда Иисус говорит: «Царство Божие подобно горчичному зерну», — он говорит миллионы вещей. В этом красота притчи: вы не говорите почти ничего, и все же говорите многое. Когда семя умирает, есть дерево. Вот Царство Божие, здесь Царство Небесное. А если вы ищете его где-то в другом месте, то ищете напрасно. Если вы хотите взглянуть в Царство Божие, вы тоже должны стать, как семя и умереть: и вдруг — вы дерево; вас больше нет, а есть бог. Вы никогда не встретитесь с богом. Если есть вы, бога нет, потому что есть семя. Когда вы исчезаете, бог есть; так что на самом деле — встречи нет.

Когда нет вес, есть бог — пустота в вашей руке, и тогда есть бог. Вас больше нет... тогда есть Бог. И снова па-радокс: семя содержит дерево, но семя может и убить это дерево. Если семя становится слишком эгоистичным, если семя думает: «Достаточно меня», и если семя боится умереть, тогда, сама его оболочка становится тюрьмой, та самая оболочка, которая защищала дерево до того момента, пока оно попадет на подходящую почву, станет тюрьмой — и тогда дерево погибнет в семени.

Вы подобны семенам, которые стали тюрьмой. Будда, Иисус — семена, которые не стали тюрьмой: семя умер-ло, оболочка отпала, и вот, семя проросло.

Он сказал им: «Оно подобно зерну горчичному — самому малому среди всех семян, когда же оно падает на возде-ланную землю, из него вырастает большое дерево и становится укрытием для всех птиц небесных»,

«...но когда оно падает на возделанную землю...» Нужна подходящая почва. Просто смерть семени бесполезна, ведь вы можете умереть на камне, и тогда не будет никакого дерева, это будет просто смертью. Вы должны найти подходящую землю, подходящую почву — в этом значение ученичества. Это обучение, тренировка — ученичество есть тренировка — чтобы стать вспаханной, плодородной почвой. Семя есть, но нужно найти подходящую почву. Дерево заключено внутри вас, Мастер может только дать вам подходящую почву. Он может вспахать вас, он мо-жет выполоть сорняки, он может сделать почву, достойной семени. Он может

удобрить почву — ведь он садовник.

В вас содержится все, но все же вам понадобится садовник, иначе, вы будете продолжать разбрасывать семена, куда попало. Они могут упасть на цементную дорогу и умереть там, или, они упадут на тропу, и люди будут ходить по ним, и они погибнут. Когда вы умираете, нужен кто-то, кто защитит вас. Смотрите, когда рождается ребенок — нужна акушерка. Никто не скажет, что она не нужна. Акушерка нужна, потому что момент очень острый. Но еще более велик момент, когда рождается Истина; еще более велик момент, когда бог рождается в вас — более велик, чем все рождения. А Мастер — никто иной, как акушерка.

Иначе, без Мастера, многое может случиться: может случиться выкидыш, и ребенок умрет, не родившись. Нужен Мастер, чтобы защитить вас, ведь молодые побеги очень нежны, беспомощны — с ними может случиться все, что угодно. Это очень опасно. Но если вы доверяете..., а доверие необходимо, другого пути нет, потому что если вы сомневаетесь, вы сжимаетесь, и тогда семя не умрет — если вы доверяете, семя умирает. Семя не может знать дерева, вот в чем трудность. Семя хочет быть уверенным, что если оно умрет, оно станет деревом. Но как дать семени такую уверенность?

В этом абсурдность веры. Вера абсурдна! Вы хотите быть уверенными, что сможете стать саньясинами, что сможете отречься ото всего, что вы готовы к смерти; но где гарантия, что когда семени не будет, будет дерево? Кто может дать вам такую гарантию, и как ее можно дать? Даже если дана гарантия, — семени, которому она дана — не будет. И какая гарантия может доказать семени, что когда его не будет, будет дерево? Никакая гарантия не-возможна.

Вот почему абсурдна вера: ведь она означает верить в то, во что верить нельзя — верить в то, во что верить невозможно, верить никак нельзя, и все же вы верите. Семя умирает в глубоком доверии, и рождается дерево. Но нужна вспаханная земля, нужна подходящая почва. Все ученичество нужно лишь для того, чтобы стать вспаханной землей.

«Из него вырастает большое дерево и становится укрытием для всех птиц небесных...»

И когда ваше дерево действительно выросло, когда оно стало «древом Будды», тогда миллионы ищущих птиц прилетают и находят в вас укрытие. Много «птиц небесных» находят укрытие в Иисусе, много «птиц небесных» находят укрытие в Будде. Для тех, кто ищет глубочайшее, такое дерево — «дерево Будды», «дерево Иисуса» — становится укрытием, и в нем они могут чувствовать пульс неведомого. Там они могут доверять, там они могут прийти к взаимопониманию с Неведомым, и там они могут совершить прыжок.

Оно подобно зерну горчичному.. Вы есть Царство Небесное, вы подобны горчичному зерну. Будьте готовы умереть, готовьтесь к своей смерти!

Конечно, будут и дрожь, и страх, и смятение. Прыжок будет трудным. Может быть, вы много раз вернетесь, много раз вы подойдете к самому краю и повернете обратно, и побежите, потому что там — бездна. Семя может знать только бездну, семя не может знать дерева, для семени нет способа увидеть прорастающее дерево, нет возможности. Семя должно умереть и верить в неведомое — тогда это случится. Когда вы готовы умереть, тогда это случится. Пойдите и посадите семена в землю: когда вырастет дерево, вновь разройте землю и поищите это семя; оно исчезнет, его не будет. Пойдите и покопайте в Будде, в Иисусе — вы не найдете этого человека, не найдете семени. Вот в чем смысл того, что Иисус — сын бога. Да, он больше не сын плотника Иосифа и Марии; теперь оболочка исчезла. Семя растворилось, а это дерево произросло вовсе не от видимого, оно — от Невидимого.

Взгляните на Иисуса: в нем больше нет семени, есть только бог. Будьте готовы умереть, чтобы вы могли возродиться. Оставьте ум, тело, эго, личность — и вдруг вы обнаружите, что в вас растет нечто новое — вы стали материнским чревом, вы беременны. А быть духовно беременным, — это вершина творения, потому что вы творите себя. Ничто не сравнится с этим.

Вы можете создать великую картину или великую скульптуру, но когда вы создаете себя, когда вы «самосоздаетесь», это ни с чем не сравнимо.

«...Но когда же оно падает на возделанную землю...». Будьте готовы умереть. Но прежде чем вы будете готовы к прыжку, станьте «возделанной землей» — станьте учеником, станьте смиренным, станьте таким, как будто вас нет. Вскоре вас действительно не будет — но приготовьтесь к этому, ведите себя так, как будто вас нет. Тогда... «...Из него вырастает большое дерево и становится укрытием для всех птиц небесных».

Так было всегда: вы здесь, возле меня: мое семя мертво — именно поэтому вы здесь. Вы здесь не благодаря себе, вы здесь благодаря мне. Но говорить «благодаря мне» — неверно, потому что нет «меня»: семя исчезло, и теперь это только дерево. И если вы через меня уловите проблеск собственной возможности, дело сделано. Царствие Небесное подобно зерну горчичному... Вы — эти зерна, вы — возможность этого Царства. Готовьтесь умереть, потому что это единственный способ возродиться.

Изречение второе...

Иисус сказал:

*Может быть, люди думают,
что я пришел Бросить мир на землю,
и они не значит, что я пришел
Бросить на землю разделения,
огонь, меч, войну.*

*Ибо пятеро Будут в доме;
трое будут против двоих
и двое против троих;*

*отец против сына
И сын против отца;
и Будут они стоять,
как единственные.*

Иисус сказал:

*Я дам вам то, что не видел глаз,
и чего не слышало ухо,
и чего не коснулась рука,
и что не рождалось в сердце человеческого.*

Иисус очень парадоксален

Иисус очень парадоксален, но его парадоксы полны смысла. Чтобы воспринять их значение, многое нужно по-нять. Во-первых, возможен мир, когда почти все мертвы. Не будет войн, не будет конфликтов, но не будет и жиз-ни. Это будет кладбищенская тишина. Но в такой тишине мало толку, тогда даже война лучше, потому что вы живы и энергичны.

Другой вид тишины — совершенно другое измерение тишины, когда вы полны жизни, энергии, но центриро-ваны внутри своей сущности; когда возникло знание себя, когда вы стали Просветленным, когда зажжено пламя, и вы не во мраке. Тогда будет больше жизни, больше тишины, но эта тишина будет принадлежать жизни, а не смерти. Это не будет тишина кладбища.

Это парадокс, который нужно понять: война — зло, ненависть — зло, они — зло этого мира, они должны ис-чезнуть; болезнь — зло, здоровье — добро, болезнь должна исчезнуть, но вы должны помнить, что мертвецы нико-гда не болеют, мертвое тело может разлагаться, но не может заболеть. Так что если вы не понимаете этого, ре-зультатом всех ваших усилий, может быть мертвый мир. В нем не будет болезней, войны, ненависти, но не будет и жизни.

Иисусу не понравилась бы эта разновидность тишины. Такая тишина бесполезна — тогда уж лучше этот мир, с войной. Но позиция многих из тех, кто пытались принести мир, негативна. Они думают: «Если прекратится война, все будет хорошо». Это не так просто. Но это мнение не только простых людей — даже великие философы, вроде Бертрана Рассела, думают, что если остановить войну, все будет хорошо. Это негативная позиция.

Ведь дело не в войне, дело в человеке. И в войне не внешней, а в войне внутренней. Если вы не воевали внут-ри, вы будете воевать вовне. Если вы воевали внутри и стали победителем, то война вовне прекратится. Это единственный путь.

Мы в Индии называли Махавиру «Победителем», «Великим Победителем», джайном. Слово

«джайн», значит — «победитель». Но он никогда не боролся, не воевал ни с кем, так кого же он победил? Он никогда не верил в насилие, не верил в войну, в борьбу. Почему этого человека называют Махавира, Великий Победитель? Это не собственное его имя; его звали Вардхаман. Что же произошло? Какое случилось событие? Этот человек победил себя, а раз вы победили себя, ваша борьба с другими немедленно прекращается — потому что эта борьба с другими только уловка, чтобы избежать внутренней борьбы.

Если вам плохо с самим собой, тогда есть только два пути: либо вы страдаете, либо проецируете свое внутреннее неудобство на кого-то другого. Когда вы внутренне напряжены, вы готовы к драке: Тогда хорош любой повод — повод не имеет значения. Вы наброситесь на кого угодно: на слугу, на жену, на ребенка.

Как отбросить свой внутренний конфликт, свое раздражение? Вы перекладываете ответственность за себя на других. Тогда в вас происходит катарсис: теперь вы можете разозлиться, можете выбросить свой гнев и насилие, это даёт вам облегчение, освобождение. Конечно, временное облегчение, потому что то, что внутри, осталось прежним. Оно снова накопится, оно осталось старым. Завтра оно вновь накопится — гнев, ненависть — вам придется проецировать его.

Вы боретесь с другими, потому что вы все время накапливаете внутри себя мусор, хлам, и приходится его выбрасывать. У человека, победившего себя, победителя себя, нет внутреннего конфликта, война прекратилась. Он един внутри себя — там нет двух. Такой человек никогда не станет проецировать, такой человек не станет воевать с другими.

Так что, это уловка ума, чтобы избежать внутреннего конфликта, потому что внутренний конфликт более болезнен — и по многим причинам. Основная причина в том, что у каждого из вас есть образ самого себя, как хорошего человека. А жизнь такова, что без такого образа, жить было бы невозможно.

Психиатры говорят, что для того, чтобы жить, нужны иллюзии. Покуда вы не стали просветленным, иллюзии действительно нужны, чтобы жить. Если вы думаете, что вы такой плохой, такой дьявольски гнусный носитель зла, если этот образ... а он истинен, такие вы и есть — проникнет внутрь, тогда вы вообще не сможете жить. Вы утратите уверенность себе, и вы так наполнитесь виной, проклятием самому себе, что не сможете любить; вы не сможете никуда пойти, не сможете смотреть на другое человеческое существо. Вы будете чувствовать себя подлым, дьявольски плохим, столь низким, что вы умрете. Это чувство станет самоубийством, а она справедливо, — так что же делать?

Легче изменить ту истину: стать человеком Бога, а не человеком дьявола — стать божественным... Но это трудно, этот путь требует великих усилий. Нужно много сделать, лишь тогда дьявол сможет стать божеством. Он может стать божеством! Вы, может быть, не знаете, что во многих языках корень слова «дьявол» тот же, что и корень слова «божество». Оба слова происходят от одного и того же санскритского корня дева. Дьявол может стать божеством, потому что божество стало дьяволом. Такая возможность есть, они — два полюса единой энергии. Энергия, ставшая горькой, может стать сладкой. Нужна внутренняя трансформация, внутренняя алхимия — но это долго и тяжело.

А ум всегда ищет краткого пути, где сопротивление наименьшее. Поэтому он говорит: «Зачем стараться стать хорошим человеком? Просто верь, что ты хороший». Это легко, ведь делать ничего не нужно. Просто думай, что ты хороший, просто создай образ себя — прекрасный, божественный, такой, что никто не равня тебе, и даже эта иллюзия даст тебе энергию, чтобы жить.

Если так много энергии могут дать вам иллюзии, можете себе представить, что случится, когда вы постигнете Истину. Даже иллюзия, что вы хороший, дает вам силу двигаться, дает

опору, уверенность в себе. Вы стали почти центрированным благодаря иллюзии, и этот центр, возникший благодаря иллюзии, есть эго.

Когда вы действительно центрированы, этот центр, — глубинное «Я». Но это происходит лишь тогда, когда постигнута Истина: когда ваши внутренние энергии трансформированы, низшее трансформировано в высшее, земное в небесное; когда дьявол стал божеством, когда вы засияли внутренним сиянием; когда семя проросло, горчичное зерно стало великим деревом.

Но это долгий процесс, нужно мужество, чтобы ждать, нужно не соблазняться коротким путем. А в жизни нет коротких путей; короткие пути — это иллюзии. Жизнь тяжела, ведь только через тяжелую борьбу приходит к вам рост — он никогда не достается легко.

Его нельзя получить по дешевке; все, что дешево, не может помочь вам расти. Помогает страдание — само усилие, сама борьба, долгий путь дает вам остроту, рост, опыт, зрелость. Как можно достичь зрелости коротким путем? Есть возможность — сейчас ее испытывают на животных, и рано или поздно будут применять к людям — есть такая возможность: вам можно впрыснуть гормоны. Ребенку десяти лет можно вести гормоны, и он станет молодым человеком двадцати лет. Но вы думаете, он достигнет той зрелости, которую он мог бы иметь, пройдя через десять лет жизни? Борьба, возникновение половых желаний, необходимость контроля, потребность в люб-ви; быть свободным и все же контролировать себя, быть свободными все же центрированным; общаться и со-трудничать с другим человеком, страдать в любви, учиться — всего этого не будет. Этот человек, выглядящий двадцатилетним, на самом деле десяти лет отроду. Гормонами мы лишь вздули его тело. Но это делают с живот-ными, с плодами, с деревьями. Можно сделать инъекцию дереву, и то дерево, цветение которого начиналось бы через три года, расцветет через год. Но этим цветам будет чего-то недоставать. Они расцвели насильственно, они не прошли через созревание. Плоды появятся скорее, но эти плоды не будут столь зрелыми; им будет чего-то не-доставать, они будут искусственными. Природа не спешит. Помните: ум всегда спешит, природа не спешит нико-гда — природа ждет и ждет, она вечна. Нет нужды спешить: жизнь продолжается и продолжается, она — вечность. Но время ума коротко, и он говорит: «Время — деньги». Жизнь ждет, она может ждать; ум ждать не может — приближается смерть. Для жизни нет смерти, но для ума смерть есть.

Ум всегда старается найти короткий путь. А простейший способ найти короткий путь — это создать иллюзию: думать, что вы такой, каким вы хотите быть — тогда вы становитесь невротиком. Вот что случилось со многими из тех, кто в сумасшедших домах: они думают, что они — Наполеон, или Александр, или еще кто-то. Они верят в это и ведут себя соответственно. Я слышал об одном человеке, которого лечили, психоанализировали, потому что он думал, что он Наполеон. После трех или четырех лет лечения и психоанализа психиатр решил: «Теперь он совершенно здоров». И он сказал: «Теперь с вами все в порядке, можете идти домой».

Этот человек воскликнул: «Домой? Нет, вы должны сказать: в свой дворец!» Он все еще был Наполеоном. Если вы стали Наполеоном, это очень трудно; очень трудно лечиться... потому что, если даже вас вылечили и вы стали здоровым, получается, что вы теряете.

Одному генералу попался капитан, который был всегда пьян, и генерал поймал его. Это был очень хороший человек — пьяницы почти всегда хорошие люди, они прекрасные люди, они просто избрали короткий путь. Итак, генерал сказал: «Вы хороший человек, и я ценю вас, все Вас любят, но Вы тратите себя понапрасну. Если Вы сможете не пить, то Вы скоро станете полковником».

Этот человек рассмеялся и сказал: «Овчинка не стоит выделки, ведь когда я пьян, я уже генерал. Так что не стоит: если я буду трезвым, я стану только полковником, а когда я пьян, я всегда генерал!» Эта иллюзия слишком ценна. Как этот человек может отказаться от иллюзии? Он так дешево стал самым главным!

Ум находит короткие пути, а иллюзии — короткие пути; легче и дешевле всего получить рай. Реальность трудна, тяжела; приходится страдать и идти сквозь огонь. Чем больше вы пройдете огней, тем более зрелым вы станете; а чем более зрелым, тем более ценным. Свою божественность нельзя купить на рынке, за нее нельзя торговаться; вам придется платить всей вашей жизнью. Когда ставка — вся ваша жизнь, только тогда это и случается.

Вы боретесь с другими, потому что это легкий путь. Вы думаете, что вы хороши, другой плох, и борьба происходит вовне. Если вы смотрите на себя, борьба становится внутренней: вы знаете, что вы плохи, что трудно най-ти более дьявольского человека, чем вы. Если вы заглянете внутрь, то обнаружите, что вы — абсолютно плохой человек, и нужно что-то делать. Начинается внутренняя борьба. И благодаря этому внутреннему конфликту — а это техника, помните, одна из величайших техник, использовавшихся за многие века — если есть внутренний конфликт, вы становитесь целостным. Если есть внутренний конфликт, тогда вне враждующих частей, над ними, возникает новый центр свидетельствования. Во внутренний конфликт вовлекаются ваши энергии, все ваше существо в разладе: создается хаос, и из этого хаоса рождается новое существо.

Для нового рождения нужен хаос; вся эта вселенная рождена из хаоса. Прежде, чем вы действительно родитесь, будет нужен хаос — это война Иисуса. Он говорит:

«Я пришел не для того, чтобы дать вам мир», — это значит, что он пришел не с тем дешевым миром, который вы хотели бы получить.

Теперь попытайтесь понять его слова:

Иисус сказал: «Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир на землю, но они не знают, что я пришел бросить на землю разделения, огонь, меч, войну».

Когда вы приходите к такому Мастеру, как Иисус, вы приходите, чтобы получить мир. Вы находитесь в блаженном неведении о том, что пришли не к тому человеку. Такие, как вы есть, вы не можете обрести мир. Но если кто-нибудь даст вам мир, это будет для вас смертью. Если для вас таких, как вы есть, настанет мир, что это будет означать? Это будет значить, что борьба прекращена прежде, чем вы чего-то добились. Если бы кто-то дал вам тишину, что бы это означало? Вы не достигли бы никакого глубинного «Я», и были бы удовлетворены своим состоянием.

Вот как вы можете отличить ложного мастера от подлинного: ложный мастер — это утешение, он дает вам покой таким, как вы есть, он никогда не заботится о том, чтобы изменить вас; он — транквилизатор: Он — то же снотворное: вы приходите к нему, и он утешает. Но если вы приходите к подлинному Мастеру, вот критерий: весь тот покой, который у вас есть, будет уничтожен, вся ваша непринужденность и удобство выброшены соба-кам.

Он создаст еще большее замешательство, еще больший конфликт. Он не станет утешать вас, потому что он не враг вам; все утешения — яд. Он поможет вам расти. Рост труден, вам придется расти через многие трудности. Много раз вы захотите сбежать от этого человека, но не сможете, потому что он будет преследовать вас.

Цель — не утешение. Он не может дать вам ложный покой. Он даст вам рост, и благодаря этому росту вы од-нажды зацветете. И это цветение будет подлинным покоем, подлинным молчанием. Утешение фальшиво. Ко мне приходят люди, и по тому, как они приходят, по тем вопросам, которые они задают, я вижу: они хотят утешения. Человек приходит и говорит: «Мне очень трудно, мой ум неспокоен, я очень напряжен. Дайте мне что-нибудь, благословите меня, чтобы я обрел покой». Но что это будет означать? Если этого человека можно сделать спокойным, что это будет означать? Тогда этот человек уже никогда не изменится. Нет, это не выход.

Даже если подлинный Мастер утешает вас, это утешение — просто рыболовная сеть. Вы

попадаетесь в это утешение, и тогда постепенно он вызовет хаос. Вам придется пройти через хаос, потому что сейчас вы абсолютно неправильны. В этом состоянии, если кто-нибудь утешает вас, он ваш враг. С ним вы растратите время, жизнь, энергию, и, в конце концов, утешения не помогут. Когда придет смерть, все утешения испарятся. У одного стари-ка умер сын. Он пришел ко мне и сказал: «Утешь меня». Я сказал: «Я не могу этого сделать, это грех». Он сказал: «Я пришел за этим».

Я сказал ему: «Ты, может быть, пришел за этим, но я этого сделать не могу».

Он сказал: «Но я ходил к шанкарачарье, и он утешил меня, он сказал:

«Не беспокойся, не горюй: твой сын возродился на одном из высших небес!»

Я знал его сына тоже, и это невозможно, ведь он был политиком — все они идут в ад, они никогда не попада-ют... А он был не просто политиком, он достиг успеха как политик — он был министром. Со всей хитростью по-литика, со всей амбицией политика, как он может попасть в рай?

И этот старик тоже был политиком. В глубине души его волновало не то, что умер его сын. Главным было то, что погибла его амбиция, ведь через своего сына он достигал все большего и большего. Сам он постарел, он неустанно работал всю жизнь, но он был глуповат, не очень хитер, немного наивен. Он приложил много труда, он по-жертвовал всей своей жизнью, но не мог достичь никакого роста. И это причиняло ему боль, это была рана. И то-гда он попытался через своего сына, и сын достиг успеха. Теперь, когда его сын умер, все его амбиции мертвы.

Тогда я сказал ему: «Вот почему ты так страдаешь; это не из-за сына». Он очень расстроился.

Он сказал: «Я пришел за утешением, а ты расстраиваешь меня еще больше. Может быть, ты и прав, то, что ты говоришь, звучит правдоподобно. Возможно, что это потому, что задета моя амбиция, а не потому, что я оплаки-ваю сына — может быть, я оплакиваю свою амбицию. Но не говори мне таких суровых вещей, мне так больно сейчас. Умер мой сын, а ты говоришь мне такие вещи. Я ходил к тому Махатме, и к этому шанкарачарье, и к то-му гуру, и все они утешали меня. Они говорили: „Душа вечна, никто никогда не умирает. А твой сын — он был не простой душой, он достиг высших небес“.

Это утешения, и если этот старик продолжает слушать их, он теряет великую возможность. Он теряет воз-можность встретиться лицом к лицу со своей амбицией, которая и есть его проблема. Он мог открыть для себя тот факт, что всякая амбиция бесполезна, тщетна, потому что человек трудится и трудится, а потом все отнимает смерть. Он мог проникнуть в это. Но нет, он перестал ходить ко мне. Он с тех пор не появлялся. Он ушел к дру-гим, которые утешают его.

А вы здесь зачем? Ради утешения? Тогда вы не туда попали. Это и говорит Иисус.

Он говорит:

«Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир на землю, но они не знают, я пришел бросить на зем-лю разделения — огонь, меч, войну».

Всегда, когда приходит человек, подобный Иисусу, мир тут же разделяется на тех, кто за него, и тех, кто про-тив. Нельзя найти ни одного человека, безразличного к Иисусу. Когда есть человек такого типа, мир немедленно разделяется. Одни за него, другие против него, но никто не безразличен. Невозможно быть безразличным к Иису-су. Если вы слышите слово Иисуса, если вы взглянули на него, вы тут же разделитесь: вы либо влюбляетесь, ли-бо начинаете ненавидеть; либо идете за ним, либо идете против него; либо следуете за ним, либо начинаете дейст-вовать против него.

Почему так случается? Потому что человек вроде Иисуса — это величайшее явление, и он не от этого мира. Он приносит в мир нечто от Запредельного. Те, кто боится Запредельного, немедленно становятся его врагами — это их способ защитить себя. Для тех, у кого есть

желание, где-то спрятанное семя, для тех, кто искал и искал, и стремился к запредельному... этот человек становится харизматическим, он становится магнетической силой — они влюбляются в него. Этого человека они ждали в течение многих жизней.

Мир сразу же разделяется: либо вы за Христа, либо против. Другой возможности нет, безразличными вы быть не можете. Не можете сказать: «Меня это не волнует», это невозможно, потому что человек, который может остаться посередине, сам станет Иисусом. Человек, который может стоять посередине, ни в любви, ни в ненависти, сам выйдет за пределы ума. Вы не можете стоять посередине; вы упадете в ту или иную сторону, станете «правым» или «левым», будете на той или другой стороне. Он порождает великое смятение.

Не только отдельные люди, но и общество тоже, все на земле вступает в конфликт, начинаются великие войны. После Иисуса не было мира на земле. Иисус создал религию. Он принес в мир нечто, породившее такую рознь, такой конфликт в умах, что он стал фокусом всей истории. Вот почему мы говорим «до Христа», «после Христа»: он стал точкой отсчета.

История разделена, время разделено Иисусом. Он стоит на границе. Как будто до Иисуса время имело другое качество: с Иисуса начинается история. Его отношение и подход к человеческому уму очень отличны от подхода Будды или Лао-Цзы. Окончательная цель одна и та же, но подход Иисуса совершенно другой. Он уникален.

Что он говорит? Он говорит, что через конфликт достигается рост, что благодаря борьбе происходит центрирование, благодаря войне расцветает мир. Но не понимайте это буквально — все, что он говорит, есть притча. Христианство приняло его слова буквально, и ошиблось. Христиане взяли в руки меч и бессмысленно убили миллионы людей — ведь не это имел в виду Иисус. Церковь, его церковь, стала воинствующей церковью, она стала крестовым походом.

Христиане воевали с мусульманами, индусами, буддистами — они воевали везде. Но они ошиблись. Иисус говорил о другом. Он говорил не о мече этого мира, он принес меч другого мира. Что это за меч? Это символ. Вас нужно рассечь надвое, потому что в вас соединены две вещи: этот мир — земля, и Небо — они объединились в вас. Одна часть вас принадлежит земле, грязи; другая ваша часть принадлежит Божественному. Вы — точка встречи, и Иисус принес меч, чтобы рассечь вас надвое, чтобы земля вернулась к земле и божественное пришло к божественному.

Вы не умеете распознавать то, что принадлежит земле. Когда вы голодны, вы думаете, это вы голодны? Иисус говорит: «Нет, возьми мой меч и отсеки это!» Голод принадлежит телу, потому что это телесная потребность. Сознание не может быть голодным; оно сознает голод, потому что у тела нет сознания.

Вы, может быть, слышали одну старую сказку из Паншгантры. Случилось так, что вдруг загорелся большой лес. В это время в лесу было два человека, один слепой, а другой — хромой. Хромой не мог идти, не мог бежать, но все видел; а слепой мог ходить, но не видел. Тогда они объединились: слепой взял хромого себе на плечи, и поскольку хромой мог видеть, а слепой — идти, они стали одним человеком. Они вышли из леса — они спаслись.

Это не просто сказка — это то, что произошло в вас. Одна часть вас чувствует голод, но не может этого знать, потому что у нее нет глаз, чтобы видеть. Ваше тело чувствует голод, ваше тело чувствует половое влечение, ваше тело чувствует жажду, вашему телу нужен комфорт, вашему телу... все потребности исходят от тела. А ваше сознание только видит, ваше «Я» — только свидетель. Но они объединились, потому что без тела сознание не может ходить, двигаться, не может ничего делать; а без сознания тело не может понять, что ему нужно, голодно ли оно или хочет пить.

«Меч» Иисуса означает, что этот компромисс нужно узнать и понять, и тогда провести различие: то, что принадлежит земле — принадлежит земле, удовлетворите его, но не

становитесь одержимым им. Если вы голодны, голодно тело; помните это, утолите голод, но не становитесь одержимыми едой. Есть много людей, одержимых едой, для которых еда — навязчивая идея; они едят, и едят, и едят, а потом однажды так разочаровываются в еде, что начинают поститься, они голодают, и голодают, и голодают. Но и то и другое — одержимость, навязчивые состояния: слишком много есть так же плохо, как и голодать.

Нужен правильный баланс, но кто даст вам этот баланс? Вы должны раздвоиться, стать двумя, должны пол-ностью сознавать, что «это — от земли, а я — не от земли» ...это и есть «меч Иисуса».

Он говорит: «...я пришел бросить на землю разделения, огонь, меч, воину».

Почему «огонь?» Огонь — очень древний символ Каббалы, а также древний индуистский символ. Индуисты всегда говорили о внутреннем огне. Они называли этот внутренний огонь *тап*, это значит жар. А разжигание это-го внутреннего огня, чтобы этот огонь горел внутри вас, называлось *яджна*.

И есть техники для разжигания этого внутреннего огня. Сию минуту он почти угас, покрыт пеплом. Его нужно расшевелить, обнаружить, подбросить топлива; ему нужно больше топлива, и его нужно дать. Когда внутренний огонь горит в полную силу, вы вдруг преображаетесь — ведь без огня нет преображения, трансформации. Вы на-греваете воду до определенной температуры, до ста градусов, и вода испаряется, становится паром; изменяется ее качество.

Замечали ли вы, что когда вода превращается в пар, полностью изменяется ее качество? Пока это вода, она всегда течет вниз — такова природа воды, течь вниз. Она не может течь вверх, это невозможно. Но когда при ста градусах она испаряется, изменяется ее природа: пар устремляется вверх. Все измерение меняется, и это происходит благодаря нагреву. Если вы пойдете в лабораторию химика, что вы там обнаружите? Если убрать огонь, там ничего не будет происходить, потому что любая трансформация, любое превращение, любое изменение происходит благодаря огню. А что такое вы, как не огонь? Что вы делаете, пока живете? Когда дышите, чем вы дышите? Кислородом. Кислород — это не что иное, как топливо для огня.

Когда вы бежите, нужно больше огня, и вы дышите глубже; когда отдыхаете, огня нужно меньше, и вы дышите-те менее глубоко, потому что нужно меньше кислорода — топлива для огня. Не может быть огня без кислорода, потому что горит кислород. Вы есть огонь — из мгновения в мгновение, благодаря пище, благодаря воздуху, благодаря воде в вас возрождается огонь. Когда его слишком много, вам приходится высвободить его.

Когда животные в половом возбуждении, мы говорим, что они «горят». В этом есть смысл, потому что это действительно род огня. Это разновидность огня, а когда в нас больше огня, чем мы можем воспринять, его нужно высвободить, и секс — выход для него.

Вспомните, люди в жарких странах более сексуальны, чем в холодных. Первые книги по сексологии появились в жарких странах: Камасутра Ватсяны, Кокашастра Кока Пандита, — они были первыми. Первые фрейдисты были на Востоке, и они появились до Фрейда, на три тысячи лет раньше, чем Фрейд. На Западе секс только сей-час приобрел значение. В холодных странах, в теле недостаточно огня, чтобы вызвать сильную сексуальность. На западе секс приобрел большое значение только за последние три-четыре столетия, потому что сейчас страна может быть холодной, но есть центральное отопление. Поэтому люди стали менее холодные; до этого телесный огонь постоянно боролся с холодом.

Вот почему на востоке население продолжает расти и этому трудно помешать, а на западе нет такого демогра-фического взрыва.

Я слышал, что когда первые русские космонавты приземлились на Луне, они были очень счастливы. Но они очень удивились, когда увидели трех китайцев, которые не спеша направлялись к ним. Они долго смотрели на них, а потом спросили: «Вы добрались раньше нас?»

У вас же нет никаких средств ни науки, ни техники! Как вам это удалось? Эти просто чудо! Как вы сюда добрались?»

Китайцы ответили: «Никакого чуда! Очень просто — только математика: мы встали друг другу на плечи и дос-тали!» Китайцы могут добраться, индийцы тоже могут добраться, это не трудно. Решившись, они доберутся куда угодно!

Секс — это тепловой феномен, огненный феномен. Там, где огонь, вы будете чувствовать большую сексуальность, и наоборот. Ведь все, что происходит в вас, будь то половая трансформация в теле или духовная трансформация, зависит от огня.

Иисуса готовила община ессеев — очень оккультная, эзотерическая община, в которой, как и среди индусов, каббалистов, иудеев и суфиев, было известно много способов разжигания огня. Но это не тот огонь, что вы знаете — это глубочайший внутренний огонь, благодаря которому существует жизнь.

Если вы можете довести этот огонь до определенного уровня, тогда будет трансформация! Но его можно довести до этого уровня, только если он не высвобождается, вот почему все религии, работающие с этим огнем, против секса. Если он высвобождается в сексе, тогда его нельзя довести до нужной температуры, потому что происходит утечка. Поэтому все возможные выходы должны быть полностью закрыты, чтобы не было утечки огня, и он достигает точки кипения: той температуры, при которой вдруг происходит трансформация; душа отдельно и тело отдельно — меч сработал! Тогда вы знаете, что в вас — земля, а что — небо; что произошло от ваших отца и матери, и что пришло от Невидимого.

«...огонь, меч, войну...» Нужен глубокий внутренний конфликт. Вам нельзя впадать в летаргию, нельзя расслабляться, пока расслабление не случится само собой — а это совершенно другое. Вы должны бороться, вызвать конфликт и трение. Трение — наиболее подходящее слово для обозначения внутренней войны. Гурджиев действовал через трение, он создавал трение в теле. Вы, может быть, не замечаете этого сейчас, но помните: однажды вы поймете, что в вашем теле есть много слоев энергии. Если в вас нет трения, тогда вы используете только по-верхностный слой. Если возникает тяжелый конфликт, поверхностный слой истощается, и тогда начинает действовать второй слой. Проверьте это так: вы всегда ложитесь спать в десять часов вечера. В десять вы чувствуете, что вас охватывает сонливость — не ложитесь спать. Суфии часто пользовались этим методом бдения, и Иисус тоже использовал его: он не спал всю ночь; в пустыне он не спал сорок дней и сорок ночей, он оставался на холмах один и не спал. Что происходит? Если вы не засыпаете в десять, несколько минут вы чувствуете себя очень сонным, летаргичным, все более и более сонным. Но если вы противитесь этому и боретесь со сном, возникает трение, вы раздваиваетесь, становитесь двумя; один хочет спать, а другой не хочет. Теперь эти две части борются между собой. Если вы настаиваете и не сдаетесь, то вдруг обнаруживаете, что вся сонливость прошла и вы стали таким свежим, каким никогда не бывали утром. Вдруг прошла вся сонливость, вы свежи, и даже если вы захотите заснуть, теперь это будет трудно. Что произошло? Было всего две возможности, и благодаря трению между ни-ми возникла энергия.

Энергия всегда возникает из трения. Вся наука основана на создании трения, которое в свою очередь создает энергию. Все динамо-машины — просто устройства, использующие трение, чтобы вызвать борьбу, войну между двумя вещами. Когда ваше тело хочет спать, а вы не хотите спать, вы вызываете войну; налицо трение, и создается энергия.

Если вы сдадитесь, это будет очень плохо, потому что если вы сдались, победило тело, а сознание потерпело поражение. Так что, если вы будете пробовать это, делайте это с умом, полным решимости не сдаваться — иначе лучше не пытаться. Методы, использующие трение, опасны: если вы делаете попытку, вы должны победить. Если вы не победили — вы проиграли,

потому что тогда вы утратите уверенность в себе. Ваше сознание станет сла-бее, а тело — сильней. Если вы много раз потерпите поражение, у вас будет все меньше и меньше возможности победить.

Раз вы используете любой из методов трения, поставьте себе цель победить. Тут нельзя проиграть, этот бой нужно выиграть. А выиграв, вы достигнете другого слоя энергии. Тогда вы можете заметить, что если вы побе-дили, вы восприняли в себя энергию, принадлежащую другой части, и стали сильнее. И тогда каждый бой сделает вас сильнее, пока не настанет момент, когда вся энергия тела перешла к вашему «Я».

Гурджиев очень глубоко использовал трение, и его способы были невероятно опасны. Когда он был очень стар, за несколько лет до смерти, он допустил очень опасную автомобильную катастрофу. Он совершил это — это было на самом деле не случайное происшествие. В жизни такого человека, как Гурджиев, нет случайных проис-шествий. Он так внимателен, так сознателен, что случайности невозможны. Но он может допустить опасное про-исшествие или даже вызвать его — и он действительно вызвал его.

Он всегда водил машину с большой скоростью, и за всю его жизнь не было ни одного происшествия. Он был очень опасным водителем; все те, кто сидел в его машине, всегда были на грани, каждый миг... Он был совер-шенно ненормальный, не верил ни в какие дорожные правила и вообще ни во что. Он ехал, как попало на пре-дельной скорости, и каждый миг могло случиться что угодно — но никогда не случалось.

Однажды утром, когда он отправлялся в Париж из своего ашрама в Фонтенбло, кто-то спросил его: «Когда Вас ждать обратно?»

Он ответил: «Если все будет так, как я думаю, то к вечеру; иначе трудно сказать». А вечером, когда он воз-вращался, случилась эта катастрофа. Она была такой серьезной и опасной, что врачи говорили, что никто не мог остаться живым. Невозможно! Вся машина была разбита вдребезги.

Но Гурджиева нашли. У него было шестьдесят переломов по всему телу — он был почти мертв. Но его нашли в полном сознании лежащим под деревом очень далеко от машины. Он перешел в тень и лежал там, в полном соз-нании. Он не потерял сознания. В больницу его привезли в полном сознании. Это было величайшее трение, какое он когда-либо вызвал в своем теле: тело было на краю смерти, он вызвал всю эту ситуацию и хотел быть в пол-ном сознании.

Он оставался сознательным, бодрствующим, внимательным, и в тот момент он достиг величайшего центри-рования, доступного человеку: он стал центрированным в своем сознании — земной слой был совершенно отде-лен. Этот слой стал проводником: он мог его использовать, но быть не отождествленным с ним.

Вот что имеет в виду Иисус, говоря: «Я принес огонь, меч, войну — хотя люди, наверное, думают, что я при-шел, чтобы принести на землю мир...»

«Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих, и двое против троих; отец против сына, и сын против отца; и будут они стоять, как единственные».

«Ибо пятеро будут в доме». Это притча: в вашем теле есть «пятеро в доме» — пять чувств, пять индрий. Дей-ствительно, глубоко внутри вас есть пять тел, потому что каждое чувство имеет собственный центр. И каждое чувство все время направляет вас в своем направлении: глаза говорят: «Смотри, это красиво»; рука говорит: «прикоснись, это приятно». Глаз совершенно не заинтересован в прикосновении; рука совершенно не заинтересо-вана во взгляде на красивого человека, красивое тело или красивое дерево.

Все пять чувств существуют, как пять отдельных центров, а ваш ум — просто координатор, он все время ко-ординирует то, что получает от этих пяти. Когда вы смотрите на меня и слушаете меня, вы слышите ушами и видите глазами — глаза не слышат, уши не смотрят; так как

же вы решаете, что слышите того же человека, что и видите? Как вы можете так считать? Ум все время координирует, он — это компьютер: все, что получают глаза, все, что получают уши, он сопоставляет и дает вам решение. Гурджиев использовал метод трения, так же поступал Иисус... и те, кто знает самые глубокие тайны жизни Иисуса, говорят, что его не распяли, а он устроил так, чтобы его распяли, точно так же, как Гурджиев. Он устроил свое распятие — это была драма, поставленная им. Те, кто распинали его, думали, что убивают его, но такого человека, как Иисус, нельзя заставить умереть. Он очень легко мог избежать этого, ведь было хорошо известно, что его должны схватить. Он мог уйти из столицы или вообще из страны, это было нетрудно — но он пришел в столицу. Говорят, что он все это сыграл, и что Иуда был не врагом ему, а другом, который помог ему быть схваченным. Всю эту историю устроил и контролировал он сам. То, что произошло на кресте, было последней внутренней войной, последним и величайшим трением: когда он умирал, но не утрачивал доверия к Божеству; когда земля падала обратно к земле, когда разделение было абсолютным, полным — он совершенно не был отождествлен. Он позволил этому случиться.

Гурджиев говорил, что распятие Иисуса было спектаклем, и подлинным автором спектакля был не Понтий Пилат, не еврейский первосвященник, а сам Иисус. Он устроил все это, и устроил так прекрасно, что до сих пор не раскрыто, что же произошло, что и как в точности случилось. Вы не можете себе представить, что устраиваете собственное распятие, но это и есть религия: устройство собственного распятия. Восшествие на крест означает достижение предельного трения — когда наступает смерть.

Иисус сказал: «Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих и двое против троих...» Нужно создать трение. Чувства должны бороться между собой, и эту борьбу нужно сделать сознательной. Они борются постоянно, но борьба не осознается; вы в глубоком сне, а борьба продолжается. Глаз все время борется с ухом, ухо борется с глазом — ведь они конкуренты.

Замечали ли вы, что у слепого слух лучше, чем у зрячего? Поэтому слепые становятся прекрасными музыкантами и певцами. Почему это так? Их одаренность в отношении звуков, ритма больше, их уши чувствительнее. Почему? Потому что глаза больше не конкурируют с ушами; та энергия, которую потребляли глаза, теперь доступна ушам. Ваши глаза потребляют восемьдесят процентов вашей энергии, и только двадцать процентов остается на другие чувства, они голодают. Они постоянно борются за энергию.

Глаз стал верховной силой, диктатором. Вы живете глазами, и некоторые чувства совершенно отмерли; у многих людей нет обоняния, оно отмерло. Но их это не волнует — они даже не замечают, что не могут чувствовать запахи. Глаза полностью обобрали нос, ведь они так близко, что могут обирать друг друга. У детей есть обоняние, но постепенно оно утрачивается, потому что глаза потребляют все больше и больше энергии. Глаз стал центром вашего существа, а это плохо.

Методы трения направляют чувства друг против друга. Существовали методы... искатели совершенно отсекали одно чувство, конкурирующее с другим; так вызывалась борьба. Многие методы предлагают искателю не открывать глаз в течение месяцев. Энергия начинает передвигаться, и вы можете это чувствовать. Если в течение трех месяцев ваши глаза будут полностью закрыты, вы сможете почувствовать, как энергия движется к ушам, к носу — у вас может снова появиться обоняние, вы можете начать чувствовать запахи! Если вы на три месяца закроете уши, и будете только видеть и ничего не слышать, вы почувствуете постоянное течение энергии.

А если вы можете видеть, как борются ваши чувства, вы станете отдельным от них, потому что станете свидетелем. Вы больше не глаза, не уши, не руки, вы больше не тело — вы свидетель. В теле продолжается борьба, а вы наблюдатель. Вот смысл этой притчи, но она верна

также в других смыслах.

«...отец против сына, и сын против отца; и будут они стоять, как единственные».

Это верно и в другом смысле: в семье из пяти человек три будут против двух, и двое против трех; потому что когда в семье появляется религиозный человек, возникает трение, ведь религиозный человек для семьи — опаснейший человек. Семья может стерпеть все — кроме религии, потому что как только вы стали религиозным, вы не отождествляетесь с телом.

Семья связана с телом: ваш отец — отец вам из-за тела. Если выдумаете, что вы есть тело, тогда вы в родстве со своим отцом. Но если вы узнаете, что вы не тело, тогда кто ваш отец? Как вы связаны с ним? Ваша мать родила ваше тело, но не вас. Вы настолько отождествили себя с телом, что думаете, что ваша мать родила вас. Когда ваше отождествление разбито, кто ваша мать? Она родила не вас, а только это тело, которое умрет. Так что мать не дала вам жизнь, скорее наоборот, она дала вам еще одну смерть. Ваш отец дал вам не жизнь, он дал вам еще одну возможность умереть. Как только вы перестали отождествляться с телом, вы отпали от семьи, вырваны с корнем.

Так что семья может стерпеть, что вы ходите к проститутке. Все нормально, в этом нет ничего плохого. Наоборот, вы все больше и больше отождествляетесь со своим телом. Если вы стали алкоголиком — это нормально, потому что вы более и более отождествляетесь с телом; в этом нет ничего дурного. Но если вы медитируете, стали саньясином, это плохо. Тогда это трудно принять, ведь ваши корни вырваны. Семья больше не властна над вами; вы больше не часть семьи, потому что вы больше не часть этого мира.

Поэтому Иисус говорит: «Отец будет против сына, сын будет против отца. И я пришел разделить, возмутить, вызвать борьбу и трение».

Это правда. Вы можете поклоняться Будде, но спросите отца Будды — он против него; спросите родственников Будды — они против него, ведь этот человек ушел из-под их контроля. И не только это: он еще и другим помогает выйти из-под контроля общества, семьи.

Семья — основная единица общества. Когда вы выходите из общества, вам придется выйти и из семьи, но это не значит, что вы должны ненавидеть ее — дело не в этом; это не значит также, что вы должны идти против нее — дело не в этом тоже. Это и так случится: как только вы начнете находить себя, все, что было раньше, возмутится, нарушится, возникнет хаос. Так что же вам делать? Вас будут тянуть обратно, постараются вернуть вас, приложат к этому все усилия. Что же делать?

Есть два пути: первый — старый путь, он состоит в том, чтобы сбежать от них, не давать им такой возможности — но я думаю, что он больше не применим. Другой путь состоит в том, чтобы быть с ними, но как актер: не давайте им возможности узнать, что вы уходите от них. Идите! Пусть это будет внутреннее путешествие, но внешне выполняйте все формальности: касайтесь ног своего отца и своей матери, и будьте хорошим актером.

Старым путем не могут идти многие. Вот почему мир не смог стать религиозным — ведь, сколько людей могут выйти из общества? И даже если они вышли из общества, общество должно заботиться о них. Когда жили Будда, Махавира или Иисус, тысячи людей ушли из своих семей. Но все же только тысячи — миллионы остались, и они должны были заботиться об ушедших... Весь мир не может стать религиозным, если это единственный путь, а этот путь не так уж хорош. Это можно сделать более красиво, и этот красивый путь — быть хорошим актером.

Саньясин должен быть хорошим актером. Под этим я подразумеваю, что вы совершенно не связаны, но продолжаете выполнять обязанности, формальности. В глубине ваш корень вырван, но вы даже намека не подаете, что не укоренены. И какой толк подавать намек? Ведь тогда начнут пытаться перевоспитать вас. Не давайте им никакой возможности; пусть это будет

внутреннее путешествие, а внешне выполняйте все обязанности. Тогда они будут довольны, ведь они живут формальностями. Они живут во внешнем, им не нужно внутреннее поклонение, не нужна ваша внутренняя любовь — достаточно просто спектакля.

Таковы эти два пути: первый — путь Будды и Иисуса, второй — Джанака и мой. Будьте там, где вы есть. Не создавайте внешней видимости, что вы изменяетесь и становитесь религиозным, потому что это вызовет затруднения, а вы, может быть, еще недостаточно сильны. Вызывайте конфликт внутри, но не создавайте его вовне. Внутреннего конфликта более чем достаточно; он даст вам нужный рост, нужную зрелость.

«...отец против сына и сын против отца; и будут они стоять, как единственные».

Слово «единственные» нужно глубоко понять. Когда вы становитесь религиозным, вы становитесь одиноким, тогда для вас нет общества, вы — один. И принять то, что вы один — величайшая трансформация, которая может с вами случиться, потому что ум боится быть одиноким, уму нужен еще кто-то, чтобы опереться на него, хвататься за него. Когда вы одиноки, вы чувствуете дрожь, вас охватывает страх; когда вы одиноки, вы немедленно устремляетесь к обществу — в клуб, на конференцию, в секту, в церковь; куда-нибудь, где есть толпа, где вы можете не чувствовать себя одиноким, где можно затеряться в толпе. Вот почему толпа приобрела такое значение: вы идете на скачки, в кино — вам нужна толпа, где вы можете расслабиться.

Однако религиозный человек одинок, потому что он пытается достичь высочайшей вершины. Не его дело терять себя в других. Он должен помнить, должен стать более осознанным, сознательным, внимательным и бодрствующим — и он должен принять истину. А истина такова: каждый человек одинок, и невозможна никакая общность. Ваше сознание — одинокая вершина, но в этом его красота, и вы напрасно этого боитесь. Вообразите себе Эверест в толпе других Эверестов — пропала вся его красота. Эверест прекрасен и притягателен, потому что он одинокий пик. Религиозный человек подобен Эвересту: он становится одинокой вершиной, и он живет и наслаждается этим.

Это не значит, что он не будет действовать в обществе, это не значит, что он не будет любить. Наоборот, только он и может любить, только он и может действовать в обществе, потому что он есть. Вас нет — как же вы можете любить? Он может любить, и его любовь не наркотик, он не пропадает в ней. Он может делиться тем, что имеет, может отдать себя полностью и все же остаться самим собой. Он может отдать себя вам и все же не пропасть, потому что его постоянная устремленность, контроль над собой, остаются главным в глубине его сущности. Никто не проникает туда, никто не может туда проникнуть.

В самой глубинной сердцевине своего существа вы одиноки — чистота одиночества и красота одиночества...

Но вы, наоборот, чувствуете страх. Ведь вы жили в обществе, родились в обществе, воспитывались в нем — и потому совершенно забыли, что можете быть одиноким. Поэтому уйти на несколько дней в одиночество просто, чтобы почувствовать свое одиночество — прекрасно. Потом идите в мир, но принесите туда свое одиночество. Не теряйте себя там. Оставайтесь сознательным, внимательным и бодрствующим. Идите в общество, в толпу, но оставайтесь одиноким. Если вы хотите, вы можете быть одиноким в толпе; если вы хотите, вы можете быть в толпе, когда вы один: можете уйти в Гималаи, сидеть там и думать о базаре — и вы в толпе.

Случилось так: Джунаид пришел к своему Мастеру, а тот сидел в храме. Когда Джунаид вошел, Мастер был один, и он сказал: «Джунаид, приходи один! Не приводи с собой эту толпу!» Джунаид оглянулся, потому что он, конечно, подумал, что с ним вошел кто-то — еще. Но никого не было. Мастер рассмеялся и сказал: «Не смотри назад, смотри внутрь». И Джунаид закрыл глаза и понял, что Мастер был прав. Он оставил свою жену, но его ум стремился к ней; он

оставил своих детей, но их образы были с ним; и друзья, которые пришли, чтобы в последний раз проститься с ним, они все еще были с ним, в его уме.

Мастер сказал: «Выйди и приходи один, потому что как я могу говорить с этой толпой?» И Джунаиду пришлось год ждать вне храма, чтобы освободиться от этой «толпы». А через год Мастер позвал его: «Теперь, Джунаид, ты готов, войди. Теперь ты один, и возможен диалог».

Можно нести в себе толпу; можно быть в толпе, и все же одиноким. Попробуйте: в следующий раз, когда будете идти в большой толпе на базаре, просто почувствуйте, что вы один — а вы и есть один, так что это не трудно, вы можете это чувствовать. А раз вы можете чувствовать, что вы один, вы стали одиноким. И Иисус говорит, что он пришел, чтобы сделать вас одиноким, стоящими одиноко.

Иисус сказал: «Я дам вам то, что не видел глаз, и чего не слышало ухо, и чего не коснулась рука, и что не рождалось в сердце человеческом».

Ваши глаза могут видеть то, что снаружи, они не могут видеть того, что внутри, у них нет такой способности. Ваши уши могут слышать то, что снаружи, они не могут слышать то, что внутри, у них нет такой способности. Они направлены вовне, все чувства направлены вовне. Нет ни одного чувства, направленного внутрь. Так что, когда все чувства перестают работать, вы вдруг оказываетесь внутри.

Иисус говорит:

«Я дам вам то, чего не видел глаз», — но сначала станьте одинокими. Именно этот смысл я вкладываю в слово саньясин — одинокий. Станьте сначала саньясином, поймите сначала, что вы — один, и пусть вам будет легко и хорошо в этом одиночестве. Не пугайтесь. Наоборот, наслаждайтесь им, увидите красоту одиночества, и его молчание, и чистоту, и невинность. Никакая грязь никогда не проникала туда, потому что никто не входил в это святылице. Оно осталось извечно чистым, никто еще не был там.

Ваша невинность скрыта внутри вас. Станьте саньясином, одиноким, и тогда, говорит Иисус: «Я дам вам то, чего не видел глаз».

Когда вы становитесь одиноким, когда вы совершенно один, вы вдруг постигаете то, чего никакой глаз не может видеть, никакое ухо не может слышать, и чего не касалась никакая рука. Как вы можете коснуться своего «Я»? Вы можете прикоснуться к телу, но это не ваше «Я». Рука не может проникнуть внутрь, она не может коснуться вашего сознания — такой возможности нет.

И последняя фраза, самая прекрасная из когда-либо произнесенных человеком в этом мире: «...то, что не рождалось в сердце человеческом».

Ведь ваша душа превосходит даже ваше сердце. Конечно, ваше сердце глубоко внутри; но все же, по отношению к душе, оно тоже снаружи, но не внутри. Снаружи руки, снаружи глаза, сердце тоже снаружи, на периферии. Даже сердце не наиболее глубинная сердцевина. Голод рождается в вашем теле, любовь рождается в вашем сердце — но не молитва.

Молитва еще глубже, она глубже, чем сердце. Голод — телесная потребность; любовь — потребность сердца; бог — потребность Запредельного, даже не сердца. Нужно превзойти ум, нужно превзойти и сердце тоже. Нужно превзойти все периферии, чтобы остался центр.

И что не рождалось в сердце человеческом? Бог не рождался в нем. В уме рождается наука, рождается философия; в сердце рождается искусство, поэзия — но не религия. Религия рождается в более глубоком слое, в глубочайшем, дальше которого нет цели, в самом вашем центре, который даже не сердце.

«Я дам вам то, что не рождалось в сердце человеческом», — то, что далеко за всеми пределами. Вы не можете видеть это, вы не можете слышать это, не можете ухватить, не можете даже чувствовать. Здесь Иисус идет дальше даже мистиков от сердца.

Есть три типа мистиков: во-первых, мистики от головы — они говорят понятиями теологии, философии, у них есть доказательства бытия Бога. Нет никакого доказательства, или же, все — есть доказательство. Но нет нужды в доказательстве, и все равно нельзя доказать Бога, потому что обо всех доказательствах можно спорить и можно доказать, что любое доказательство неверно. Далее, есть мистики от сердца: они говорят о любви, о любви-мом, о божестве, о Кришне; они говорят песнями, поэзией — это романтики. Их поиск глубже, чем у мистиков от головы, но все же недостаточно глубок.

Иисус говорит: «Я дам вам нечто, что не рождалось даже в сердце, нечто такое, чего не достигнет никакая теология, чей проблеск не видит никакая поэзия; ни логика, ни любовь — где останавливаются Обе. Я дам вам то, что не рождалось в сердце человеческом».

Это глубочайшая, самая глубокая возможность — и Иисус открывает ее. Но в христианстве она утрачена. Христианство стало плести теории вокруг нее, оно стало делом головы — даже не делом сердца, оно стало делом головы. Из христиан вышли глубокие теологи. Посмотрите на «Сумму теологии» Фомы Аквинского, — сотни томов теологии. Но они промахнулись, ведь Иисус — не в голове. И из-за этих умственных теологов мистики от сердца, которые были несколько глубже, были изгнаны из церкви. Экхарт и Франциск были изгнаны. Их считали дураками, или сумасшедшими, или еретиками — ведь они говорили о сердце, они говорили о любви.

Но Иисуса не поняли ни те, ни другие, потому что он не ориентировал ни на голову, ни на сердце — он не ориентировал вообще. Он говорит, чтобы вы выбросили все ориентации, выбросили все внешнее и вошли в самую сердцевину, где есть только вы, где пульсирует только ваше существо, где есть только Бытие. Вы можете придти к этому; а если вы пришли к этому, тогда раскрыта каждая тайна и открыты все двери. Но даже у самой двери вы можете ошибиться. Если вы останетесь ориентированными на голову, вы останетесь стоять у двери, теоретизируя, или же вы можете остаться у самой двери и заниматься поэзией — говорить стихами и петь песни.

Я слышал, что однажды Мулла Насреддин пришел к психиатру и сказал: «Я очень озадачен, сделайте что-нибудь. Это стало невыносимым. Каждую ночь я вижу один и тот же сон, будто я стою у двери и толкаю ее, толкаю и толкаю. На двери есть надпись, а я все толкаю ее, но безрезультатно. Каждую ночь я просыпаюсь в поту, а дверь никак не открывается».

Психиатр стал записывать все, что говорит мулла. После получасовой беседы он спросил его: «А теперь скажи мне, Насреддин, что написано на двери?»

И Насреддин ответил: «Там написано: „Тяните“».

Если на двери написано «тяните», не стойте и не толкайте ее. Иначе это будет повторяющимся сном, вы будете толкать вечно! И ведь ничего сложного тут нет, просто прочтите, что написано на двери. Иисус говорит, что на двери написано не «голова» и не «сердце» — там то, что превосходит их.

Так что знайте одно: идите за пределы. Не становитесь жертвой логики и рассудка, и не становитесь жертвой эмоций, сентиментальности: идите за пределы. Голова находится в теле, и сердце находится в теле — идите дальше, превзойдите их. А что там, дальше? Там — простое бытие, вы просто есть.

У бытия нет никаких атрибутов. Это простое бытие и есть дхиан, это простое бытие, есть медитация — и вот это написано на двери.

Дверь вдруг открывается, когда вы просто существо — не эмоция, не мысли; вокруг вас нет никакого облака, вы разоблачены; никакого дыма вокруг пламени, только пламя — и вы вступили.

«...и что не рождалось в сердце человеческом, я дам вам».

Конец ознакомительного отрывка книги

[Читать полный вариант книги](#)